

Михаил Волконский

Сирена

Михаил Волконский

Сирена

«Public Domain»

1903

Волконский М. Н.

Сирена / М. Н. Волконский — «Public Domain», 1903

«В июле 1798 года Петербург был немало взволнован тремя происшествиями, случившимися почти одновременно. В одно утро все будочки по Невскому проспекту оказались арапами, с лицами, выкрашенными разведенной на масле сажей...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	11
Глава V	17
Глава VI	21
Глава VII	25
Глава VIII	28
Глава IX	34
Глава X	38
Глава XI	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Волконский

Сирена

Роман из времен Павла I

Глава I

В июле 1798 года Петербург был немало взволнован тремя происшествиями, случившимися почти одновременно.

В одно утро все будочки по Невскому проспекту оказались арапами, с лицами, выкрашенными разведенной на масле сажей.

В те времена для нижних полицейских чинов на их постах на улицах ставились полосатые будки с дверками, в которых были проделаны окошечки. Бдительные городские стражи забирались ночью в эти будки со своими алебардами, составлявшими их вооружение, и, разумеется, засыпали крепким сном. В случае какого-нибудь недоразумения обывателям предоставлялось право кричать «караул» настолько громко, чтобы разбудить стражей; стражи терпеть этого не могли и просыпались неохотно, да и проснувшись, долго прислушивались, не затихнут ли неистовые крики сами собой. Если же тишина не водворялась, то будочник выползал из своей будки, потрясал длинной алебардой и шел на помощь кричавшим лишь в том случае, если эта помощь требовалась на его участке.

В достопамятную июльскую ночь 1798 года будочки были разбужены не криками, а деликатным стуком в дверцы их будок. На этот стук они выглядывали в окошечко, и, как выглянут, так им лицо и окрасят большой кистью, жирно пропитанной сажей на масле. Дверцы будок при этом оказывались предупредительно подпертыми колышками, так что отворить их изнутри было нельзя, и окрашенные в черную краску будочки должны были ждать, когда наутро явится смена и освободит их из неприятного заточения.

Эту проделку произвели неизвестные забавники. Из показаний пострадавших будочников выяснилось, что этих забавников было не менее трех человек. Один бежал впереди с колышками и подпирал дверцы будок, другой стучал, третий красил. Больше ничего пострадавшие не могли показать, и кто были милые шалуны, устроившие такую неприятность блюстителям порядка, осталось невыясненными.

Об этом происшествии говорил весь город.

Другое обстоятельство, занявшее петербуржцев и подавшее повод к бесконечным пересудам, разговорам и предположениям, состояло в том, что в устье Невы пришла трехмачтовая отменно разукрашенная яхта и стала там на якорь. Она была, несомненно, английская, так как явилась под английским флагом, и принадлежала частному лицу. Говорили, что это частное лицо, собственность которого составляла яхта, – женщина, званием леди, а по фамилии Гариссон.

Никто не знал, зачем она пожаловала на своем судне в невскую столицу и что она намерена тут делать. До поры, до времени никто еще не видел и самой леди на улицах Петербурга. На палубу яхты тоже никто из посторонних не допускался.

Яхта была красиво окрашена в голубой и светло-желтый цвета. На ее носу выделялась среди золоченого хитрого узора вырезанная из дерева, тоже золоченая, фигура сирены. Название судно носило по этой фигуре. Корма была тоже вся в золотых узорах с огромными фонарями. На корме красовался большой родовой герб Гариссонов. Судя по яхте, владелица ее должна была быть очень богата.

Первое и самое естественное предположение, а именно – что леди Гариссон явилась в Петербург просто в виде знатной путешественницы, объезжающей для своего удовольствия чужие страны, – показалось слишком незамысловатым и, по правде сказать, не соответствовало поведению леди, окружившей свой приезд таинственностью.

Почему она не съезжала на берег, почему никто не допускался на яхту, почему, наконец, у знатной леди не оказалось никого знакомых даже в английском посольстве? Ведь если бы у нее там были знакомые, она бы, конечно, поехала туда с визитом.

Общество терялось в догадках. Не знали даже, какова собою эта леди: молода она или стара, красива или нет?

Любопытные ездили на лодках к яхте, оглядывали ее, рассматривали герб на корме и носовую фигуру сирены, дивились на золоченые узоры и красивую, нежную раскраску судна, но больше ничего увидеть не могли. Трапы на «Сирене» были всегда подняты, и даже движения на ней не было заметно. Только виднелись на своих местах часовые в огромных широкополых лакированных черных шляпах. Они стояли недвижимо и безмолвно, как статуи.

Третьим происшествием, заставившим говорить о себе весь Петербург того времени, была смерть екатерининского вельможи, князя Верхотурова.

Князь Верхотуров был старик, проживавший в собственном доме на Фонтанке, холостой и вполне одинокий. Умер он скоропостижно от апоплексического удара, и неизвестно было, кому же теперь достанется состояние князя? Прямых наследников у него не было, завещания после него тоже не осталось. По закону наследство должно было считаться выморочным, иначе говоря, идти в казну в том случае, если бы не оказалось каких-нибудь косвенных наследников, то есть родственников столь дальних, что и сам князь не знал о них.

Глава II

Как ни странно, но из всех трех фактов наиболее интересным и серьезным общественное мнение считало окраску будочников.

При строгостях, заведенных императором Павлом Петровичем, такой поступок, действительно, являлся дерзостью из ряда вон выходящей, так как были оскорблены хотя и нижние, но все-таки чины полиции при «исполнении ими своих обязанностей» Откройся имена шалунов, решившихся на это дело, им бы несдобровать.

Но, по-видимому, они умели молчать.

Впоследствии выяснилось, более или менее, кто была таинственная леди Гариссон и зачем она пожаловала на своей яхте в Петербург, нашлись и наследники у князя Верхотурова, а кто выкрасил арапами будочников, осталось «покрыто мраком неизвестности», как выражались тогда.

Знали об этом только молодой художник Варгин, известный в своем кругу под именем «Петрушка», офицер Елчанинов да барон Кирш, дворянин без определенных занятий, преданный каким-то книгам, над которыми он просиживал иногда по целым неделям. Однако книги тогда занятием не считались, и Кирш общим голосом был признан бездельником, потому что нигде не служил.

Поведение его было вообще довольно странно.

Несмотря на его немецкую фамилию, натура у него была необузданная, склонная к резким крайностям. Свойственные германской расе аккуратность и расчетливость были совсем чужды ему.

Мать его была урожденная Елчанинова, чистокровная русская, и по-видимому, молодой Кирш пошел в ее род. Своему приятелю, офицеру Елчанинову, он приходился троюродным братом.

Когда Кирш садился за свои книги, ничто не могло оторвать его от них; день и ночь сидел он запершись у себя в комнате и не пускал к себе никого.

Но потом вдруг так же внезапно и неожиданно, как «находил на него книжный стих», по выражению художника Варгина, Кирш бросал книги, шел к двум своим приятелям и предавался с ними неистовому кутежу, придумывая проделки вроде окраски будочников. Главным зачинщиком всех «фортелей» был он, а художник с офицером только служили ему тогда помощниками.

Период неистовства длился у Кирша иногда несколько недель подряд, и продолжительность этого периода не зависела ни от каких внешних обстоятельств.

Если не хватало денег, Кирш доставал их путем какой-нибудь гениальной по своему остроумию штуки; заболел он, чувствовал себя нездоровым – и это не влияло на него, потому что он лечился именно тем, что напьется и потом на другой день ходит как встрепанный. Да и болел он редко. Здоровье у него было железное. Откутив, он садился за письменный стол иногда сразу же после бессонной темной ночи, и Елчанинов с Варгиным вдруг находили дверь его запертой. Тогда они не беспокоили его, зная по опыту, что это будет напрасно.

Из всех трех самым сильным и мускулистым был Елчанинов. Гигантского роста, с огромными лапищами, он был в их маленькой компании представителем физической силы и всегда выступал на первый план в тех случаях, когда приходилось сокрушать или своротить что-нибудь. Изобретательностью он не отличался, но зато был чрезвычайно исполнителен.

Барон Кирш, тоже дюжий мужчина, уступал в силе Елчанинову, но являлся неисчерпаемым кладезем ума и находчивости. Он считался поэтому умником.

Варгин был тщедушный, маленький человечек. Ни силы у него не было, ни особенных способностей, ни выдумки, но без него у Кириша с Елчаниновым никогда ничего не выходило как-то.

Если Кириш был умственным двигателем, а Елчанинов физическим, то Варгин являлся душою всех их предприятий. Он умел раззадорить своих друзей, взвинтить их и сообщить ту веселость, которая была необходима, чтобы сделать интересными их легкомысленные, но безобидные, в сущности, выходки.

Человек он был очень талантливый, и, живи он в другое время, его имя было бы окружено ореолом славы и известности. Но тогда русские меценаты предпочитали поощрять иностранные таланты, покупали втридорога картины, подписанные чужестранным именем, и не доверяли своим. Надо было обладать исключительным счастьем, чтобы русскому человеку составить себе имя художника, а у Варгина такого счастья не было. Да и курс он кончил не особенно блестяще в основанной Екатериной академии художеств. Вместо этюдов с академических натурщиков, он рисовал больше карикатуры на профессоров, за что те мстили ему и выпустили далеко не по первому разряду. Волей-неволей Варгину пришлось после выхода из академии взяться за частные заказы и исполнять их, расписывая стены и плафоны в богатых домах, делая дешевые портреты да изготовляя образа по шаблону.

Однако он не унывал. Приятели звали его Петрушкой не столько по крестному имени Петр, которое он носил, сколько потому, что он, действительно, был похож по внешности на Петрушку Уксусова, известного героя уличной кукольной комедии, представлявшейся тогда в русских городах беспрепятственно. И говорил он в нос, как настоящий Петрушка.

Глава III

Варгин жил на Фонтанке у Обуховского моста, подалее от академии, с которой он, как говорил, не хотел иметь никакого дела.

Его мастерская обыкновенно служила для приятелей штаб-квартирой, откуда они отправлялись на свои подвиги и где собирались для обсуждения планов новых действий. После окраски городских они притихли на несколько дней, опомнившись, что выкинули штуку слишком смелую, и рассудив, что лучше пообождать немного с дальнейшими проделками. Поэтому они сидели у Варгина в мастерской и пили ром, закусывая его свежей малиной.

Варгину она нравилась не столько своим вкусом и запахом, сколько цветом. Он находил, что уж очень колер хорош у нее. Блюдо с ягодами стояло перед ним, и он чистил их на общую пользу.

Кирш со стаканом рома в руках развалился в кресле, единственном имевшемся в незатейливой мастерской художника. Елчанинов растянулся на софе. Она была составлена из двух деревянных ящиков, покрытых сенником, на котором лежали потертый ковер, ситцевый валик и две ситцевые же подушки.

Кроме этой мебели, в мастерской было еще несколько табуреток, стояли два мольберта и этажерка с красками, лаками, бутылками масла и кипой газетной бумаги. Впрочем тарелки и горшки с красками попадались повсюду: и на полу, и на табуретках, и на столе, рядом с блюдом малины и тремя бутылками рома, из которых одна уже опустела.

На подоконнике лежал плоский камень для растирания красок. По стенам висели гипсовые руки, ноги и маски, и были прибиты оконченные, и недописанные, и брошенные этюды. На длинной полке лежало несколько книг, покрытых густым слоем пыли.

– Что же, мы так и будем сидеть? – проговорил Кирш, отпивая ром из стакана.

– Во-первых, мы не сидим, а один из нас лежит, – поправил его Варгин, показав на Елчанинова, – а во-вторых, что же нам делать?

– Да ведь скучно так!

– Почему же скучно? Разве уж нельзя добрым приятелям посидеть в компании за бутылкой рома?

– За тремя бутылками, – в свою очередь поправил Кирш Варгина, – отчего же не посидеть, но только от долгого сидения, скажу по правде, у меня поясницу ломит.

– Петрушка, расскажи что-нибудь, – пробурчал Елчанинов, зевая и потягиваясь.

Варгин встрепенулся. Он очень любил рассказывать, и так, чтобы его слушали.

– Что же мне рассказывать? – спросил он, соображая.

– Да что хочешь. Мне спать хочется. Под твои рассказы спать хорошо.

– А вот и врешь, – заговорил Варгин, – я такую историю знаю, что и не заснешь. Хотите расскажу?

– Что ж, это страшное что-нибудь? – отозвался Кирш.

– Страхное!

– Так ты огонь засвети, – улыбнулся Кирш.

Был поздний вечер, на дворе стояли сумерки надвигавшейся летней петербургской ночи.

– Нет, так в полутьме лучше, – возразил Варгин, – больше произведет впечатления.

– Да и спится лучше, – подтвердил Елчанинов, поворачиваясь на другой бок, лицом к стене.

– Знаете ли вы, – начал Варгин, – что после умершего недавно князя Верхотурова осталось наследство, неизвестно кому принадлежащее?

– Об этом, брат, все толкуют теперь, – несколько разочарованно протянул Кирш, приготовившийся было слушать.

– Ну так вот, в числе этого наследства есть между другими именьями земля под самым Петербургом.

– Что ж тут страшного? – сказал Кириш, наполняя стакан, который успел уже допить.

– Погоди, все в свое время! Земля эта лежит по дороге на Варшаву, всего в нескольких верстах от заставы. Там есть трактир...

– Вот это хорошо! – одобрил Кириш.

– Трактир-то скверный, – продолжал Варгин, – да не в нем дело, а в сторону от дороги и от этого трактира находится господский дом со службами, словом, усадьба целая. Она стоит заколоченная, и никто не живет в ней, даже сторожа нет. Умерший князь никогда не бывал там, да и никто не решается, говорят, туда отправиться. Нечистое место! Князь послал туда – давно уже это было – насильно крепостного человека сторожем. На другую же ночь, как он поселился там, нашли его мертвым. С тех пор дом со службами стоит там необитаемый. Окна и двери заколочены досками, двор летом зарастает бурьяном, а зимой покрывается снегом, так что и не проберешься. Между тем молва говорит, что по ночам виднеется там свет, слышатся стоны, стучат цепи, и тени мелькают внутри.

– Какие же цепи стучат там? – спросил Кириш.

– Разве ты не знаешь, что призраки всегда тащат за собой цепь из грехов, содеянных ими при жизни? – уверенно пояснил Варгин.

– Вот оно что! – сказал Кириш. – Но почему же эти призраки облюбовали этот пустой дом князя Верхотурова?

– А вот тут-то и начинается история, которую я хочу рассказать.

– Ну, рассказывай!

Варгин отпил рому, поправился на табурете, облокотился на стол и стал рассказывать.

Глава IV

– Этот дом построен был около девяноста лет назад, почти при самом основании Петербурга, прадедом ныне умершего князя Верхотурова. Тогда император Петр насильно заставлял знатное дворянство переезжать в Петербург и возводить хоромы на Васильевском острове.

Прадед князя Верхотурова, князь Иван Андреевич, принадлежал к старомосковской партии, не одобрявшей заграничных новшеств Петра Первого. Однако послушаться императора он не посмел, явился в Петербург и выстроил себе, как было указано, хоромы на Васильевском острове. Невмоготу только ему было жить здесь. Тут все шло по-новому, а князь Иван Андреевич был человек старого закала, и все в Петербурге ему не нравилось. Тогда он придумал построить себе загородный дом и обстроить его по-старинному, чтобы можно было жить тут, как ему хотелось, ничем не стесненному, а хоромы на Васильевском острове держать только для вида. Тогда земля под Петербургом продавалась почти за бесценок. Князь купил себе кусок леса, вырубил в нем поляну и построил тут себе дом со службами, с баней, амбарами и сараями – все, как следует. Официально жил он якобы на Васильевском острове, но на самом деле проводил все время в своем загородном доме, где жизнь шла на московский лад, с шутихами и шутами, с блинами и пирогами, без табачного дыма, вдали от ассамблей и маскарадов. У князя было два сына. Один, старший, был не любимый им. Он служил в войске, предавался курению заморского зелья и всей душой был предан новому заведенному строю. Второй, младший, сын князя являл полную противоположность старшему брату. Тихий, скромный, послушный, он не перечил воле отца и проводил время в уединении. Старшего звали Максимом, младшего – Михаилом.

Благодаря своему богатству князь Ивану Андреевичу удалось так сделать, что молодой князь Михаил только числился на службе, но на самом деле жил свободно дома.

Любимым его занятием была соколиная охота. Охотиться он предпочитал без загонщиков, без свиты, в одиночку. Возьмет своего сокола, сядет на коня, уедет и целый день пропадает. В одиночку с соколом трудно охотиться, даже почти невозможно, но князь Михаилу это, по-видимому, и нравилось. Редко возвращался он с добычей, зато, когда такая попадалась ему, счастлив он был чрезвычайно.

Других развлечений, кроме охоты, у князя Михаила не было, да он и не искал их. Из загородной отцовской усадьбы в Петербург он даже зимой не выезжал, никого, кроме домашних своих, не видел, однако вполне довольствовался этим.

Среди домашних была девушка, воспитанница князя, сирота, дочь его соседа и приятеля, разорившегося вконец. Звали ее Марфушей, и красоты она была неписаной. Старый князь водил ее по-старинному: в сарафане, шубейке и кике, и русский наряд был так ей к лицу, что лучшего и придумать было нельзя. Однажды старый князь призвал к себе сына Михаила и говорит ему: «Пришло тебе время жениться, князь Михаил, ну, так вот я тебе невесту сыскал». Побелел, как полотно, князь Михаил, стоит ни жив ни мертв и, что ответить, не знает. «Что же ты молчишь, – спрашивает старый князь, – или на мой выбор не надеешься?» Князь Михаил сделал над собой усилие и проговорил, что из воли родительской выходить не желает и что, как ему родитель прикажет, так он и поступит. «Только по нраву ли тебе придется невеста, которую я выбрал для тебя?» – спрашивает старый князь. Совсем опустил голову Михаил и едва выговорил: «Если она по нраву вам, батюшка, так и мне будет по сердцу». – «Ну, так вот бери за себя Марфушу, даю я тебе на это свое родительское благословение». Князь Михаил вдруг переменялся весь; никак не ожидал он, что избранная ему отцом невеста была бедная сирота Марфуша. А с Марфушей они давно уже поладили, во всем, как следует, объяснились и поклялись друг другу в вечной любви до гробовой доски. Обрадовался он, ног под собой не

чувствовал, стал благодарить отца, а тот только посмеивается. С этого дня стали Марфуша и князь Михаил жених и невеста.

Раз сидят они вечером, – дело было летом, – вдруг раздаются бубенцы на дороге, и подкатывает к крыльцу тройка с колымагой, а в колымаге сидит князь Максим. Приехал он к отцу за деньгами, без которых ему невозможно жить стало. Иван Андреевич встретил сына не особенно дружелюбно, однако не прогнал его, потому что Максим был на службе по воле царской и кроме этого ничем другим не досадил отцу. Он почтительно приветствовал старого князя и остался жить в усадьбе, сначала выжидая удобного случая, чтобы поговорить с отцом о деньгах, а потом задержался тут и по другому случаю: приглянулась ему красавица-невеста брата, и от любви к ней обезумел совсем он.

Варгин на несколько минут прервал свой рассказ, а затем, снова выпив большой глоток рома, продолжал:

– Раз отправился, по своему обыкновению, князь Михаил на охоту и целое утро провел в поле. К обеду возвращался он домой через лес и здесь встретился с братом, у которого в руках была огромная железная лопата. Сразу было заметно, что с князем Максимом происходит что-то странное, что ему не по себе: и глаза горели как-то особенно, и бледность на щеках была необычайная. «Что с тобой, – спросил его князь Михаил, – и что ты тут делаешь?» У Максима дрожали и руки, и ноги. «Клад ищущу! – ответил он. – Понимаешь ли? Клад! Я уже большую яму выкопал. Хочешь помочь мне, тогда мы разделим пополам добычу». Князь Михаил ответил, что клада ему не нужно. «Ну, так просто помоги мне, – стал просить его Максим, – потому что я очень устал, а работу откладывать на завтра нельзя: клад уйдет завтра еще глубже в землю». Уговорил он брата, тот слез с лошади, привязал ее к дереву, посадил на седло сокола и пошел за Максимом. Последний привел его к широкой яме, выкопанной им, и, как только князь Михаил приблизился к ее краю, ударил его сзади лопатой по голове и раскроил ему череп надвое. Убитый упал в яму, а Максим засыпал его землей, но только стал ее сравнивать, как слетел с дерева ворон, забил крыльями и затоптался на месте. Максим и его убил лопатой, закопал тут же, потом сравнял все, завалил камнями и мхом, так что и узнать нельзя было, что это место раскопано. Вернулся он домой как ни в чем не бывало.

Прошел день, наступил вечер. Князь Михаил не возвращался. Хватились его и стали беспокоиться. Наконец дворецкий пришел доложить, что прилетел домой сокол князя Михаила и пришла его лошадь, а самого его нет. Максим, уходя из леса, догадался отвязать лошадь брата от дерева. Все в усадьбе переполошились, и больше всех сделал вид, что беспокоится, Максим; он поднял весь дом на ноги и целую ночь со слугами рыскал по лесу, якобы ища брата. Кажется, он был в отчаянии и в таком горе, что Марфуше и старому князю пришлось утешать его.

Князя Михаила не нашли, он пропал без вести. Долго горевали о нем, но мало-помалу горе улеглось, а между тем Максим остался жить у старого князя и так ловко подделался к нему, что сумел заменить младшего брата, а через год отец души в нем не чаял.

С Марфушей Максим старался быть ласковым и приветливым, но она относилась к нему с каким-то безотчетным и необъяснимым страхом. Когда дело дошло до того, что старый князь, по просьбе Максима, благословил его на брак с нею, Марфуша залилась горькими слезами, но ее не спрашивали, и возражать она не смела. Она была объявлена невестой Максима, и ее повели с ним под венец; ее слезы были приняты как должное, потому что, по старому обычаю, девушке приличествовало плакать, идя под венец.

В день этой свадьбы небо к вечеру покрылось тучами и разразилась страшная гроза. Марфуша, придя в опочивальню, заперла за собой дверь и в страхе прислушивалась к бушевавшей на дворе непогоде. Вдруг ночник погас, и в дверь раздался стук. «Кто там?» – спросила Марфуша. «Это я... я... твой муж, – шепотом ответили ей из-за двери. – Отвори скорее!» Марфуша в темноте отперла дверь и услышала, как за вошедшим мужем словно впорхнуло что-то в комнату и заколыхало крыльями по воздуху. «Ой, страшно!..» – А вошедший обнял ее и

стал уговаривать, что нечего ей бояться с ним, с ее любящим мужем, с которым ее соединила их вечная и неразлучная любовь. Он обнял ее, стал целовать, она почувствовала прикосновение его губ; они были холодны как лед. «Что с тобой? Ты озяб?» – спросила она. «Ничего, ты согреешь меня!» – ответил он. Через некоторое время в дверь опять постучали, и ясный голос Максима проговорил: «Впусти меня, жена! Теперь я могу войти к тебе?» Марфуша бросилась с кровати к двери, засов отошел сам собой, дверь отворилась, и на пороге показался Максим со свечой в руке. Комната осветилась, на постели лежал бездыханный труп Михаила с разбитым черепом, а в изголовье на подушке был распластан черный ворон, широко раскрывший свои мертвые недвижимые крылья.

– Вот так история! – сказал Кириш. – Что же с ними потом было? Или легенда умалчивает о дальнейшем.

– Нет, – возразил Варгин, – рассказывают, что Марфуша и князь Максим, увидев труп и ворона, как были, так и грохнулись на пол. Наутро их нашли так лежащими. Князь Максим был мертв, только Марфуша без памяти. Ее привели в чувство, но она оказалась помешанной. Кроме того, язык отнялся у нее, и она до самой смерти не проронила ни слова. А умерла она ровно через девять месяцев после этой свадебной ночи... родила сына, и умерла.

– Ну а труп? – спросил Кириш.

– Какой труп? Князя Максима? Его похоронили.

– Нет, того, другого, Михаила, что ли, который в постели очутился.

– Тот к утру исчез.

– И с вороном?

– Да.

– И никто, значит, его не видел, кроме Марфуши и князя Максима.

– Никто.

– Так как же, братец, о нем узнать-то могли? Если Максим тут же умер, а Марфуша помешалась и лишилась языка, кто же мог рассказать о том, что являлся труп и все прочее? И выходит, все это – ерунда, бабьи сказки и только!

И в подтверждение такого своего вывода Кириш обратился к софе, где лежал Елчанинов, и добавил:

– Вот и он подтвердит тебе то же. Елчанинов, правду я говорю?

Но Елчанинов не ответил ничего; только легкий свист, который он производил носом, показал, что он спит крепким сном.

Варгин обиделся.

– Э, не знаю, – стал он оправдываться, – бабьи сказки это или нет, только так рассказывают, а истина из всего этого та, что с тех пор в усадьбе по ночам привидения гуляют и никто и близко к дому подойти не смеет.

– Чепуха! – сказал Кириш.

– Как чепуха? Может, хочешь попробовать?

– Что попробовать?

– Да вот в этот дом ночью съездить и побывать в нем.

– А отчего же нет? – подхватил Кириш. – Отчего нам в самом деле не поехать туда? Ты едешь?

Варгин поднял брови, поджал губы и, подумав, ответил:

– Когда же ты хочешь ехать?

– Да сейчас. Теперь дело к ночи идет. Как раз поспеем.

– Поспеть-то мы поспеем, – протянул Варгин, – только рому-то выпито много.

– Ну что ж? Тем веселее будет!

– И то правда, – согласился Варгин.

– Значит, решено? Едем?

– Едем!

У Кирша, Елчанинова и Варгана решения всегда принимались так, вдруг, и сейчас же приводились в исполнение. И, чем дело было сложнее, тем охотнее они брались за него.

Кирш стал будить Елчанинова, тряся его за плечо.

– Вставай, брат, – сказал он, когда тот открыл глаза и, щурясь спросонок, бессмысленно глядел перед собою.

– Что-о? – протянул Елчанинов, еще не придя в себя.

– Вставай, говорят тебе, едем... Мы с Варгиным решили ехать.

– Куда ехать?

– В дом с привидениями.

– С какими привидениями?

– С самыми настоящими.

– Откуда вы взяли их?

– Так ты, значит, ничего не слышал?

– Должно быть, ничего, я спал.

– Ну, так вставай и едем!

Елчанинов сел на софу, потянулся, сладко зевнул и проговорил:

– Ну что ж? Ехать – так ехать.

Однако для задуманной экспедиции потребовались кое-какие приготовления.

Во-первых, нужно было найти, на чем ехать, потому что идти пешком было далеко. За это взялся Варгин, у которого был поблизости знакомый чухонец. У него компания не раз уже брала лошадь и таратайку. Чухонец отдавал им свой экипаж охотно, потому что платили они щедро, а правила умеючи.

Во-вторых, нельзя было ехать вовсе безоружными. На всякий случай осторожность требовала захватить с собой заряженные пистолеты. За пистолетами отправился Елчанинов к себе домой.

Наконец, в-третьих, требовались деньги для уплаты чухонцу и на расходы в трактире на дороге вблизи таинственного дома. Не будь там этого трактира, экспедиция потеряла бы свою прелесть.

Однако денег ни у кого не было. Последние были истрачены на три бутылки рома и малину.

– Как же быть? – спросил Варгин. – Неужели откладывать?

Он по опыту знал, что если уж они отложат что-либо, так наверняка оно не состоится потом.

– Чепуха, – сказал Кирш, – я денег достану.

– Да откуда же ты их достанешь теперь, почти ночью? – усомнился Варгин.

– Ну, вот вздор! Достану! – и Кирш отправился за деньгами.

Через час, не больше, все трое опять сошлись в мастерской. Варгин привел чухонскую лошадку с таратайкой. Елчанинов принес пистолеты. Кирш явился с пятью целковыми.

– Хватит? – спросил он только, не объясняя, откуда и как получил эту сумму.

– За глаза! – решил Варгин.

– Ну, едем, – сказал Елчанинов. – Садитесь!

Сели и поехали.

По дороге Кирш не утерпел: остановил таратайку (он правил лошадей), слез и стал стучать в окно к булочнику, перед домом которого вылез. Хозяева ее, по-видимому, спали. Кирш не смутился этим и стучал до тех пор, пока в отворившуюся форточку не показалось заспанное лицо булочника в ночном колпаке.

– У вас сдобные булки есть? – серьезно спросил Кирш.

– Есть, – ответил булочник.

– И белый хлеб?

– И белый хлеб.

– И слоенные булки?

– Соленые? – переспросил немец-булочник, не расслышав.

– Нет, слоенные.

– Есть и слоенные.

– А белый хлеб хороший?

– Очень хороший.

– Ну вот, а у многих и дурного черного нет! Спокойной ночи! Спице в свое удовольствие, если у вас столько хлеба! – и Кирш, вежливо приподняв шляпу, повернулся к своей таратайке.

Булочник сердито заворчал и захлопнул форточку.

– А ведь гроза будет, – заметил Варгин, глядя на небо, которое действительно заволакивало тучами, – ишь, и ветер какой поднялся.

Ветер, по мере того как ехали они, дул сильнее и сильнее. Дул он порывисто, и его порывы становились все чаще и неистовее.

– Да, такой ветер непременно тучи нагонит, – подтвердил и Елчанинов.

– И все ты врешь, – сказал Кирш. – Это так бабы только говорят: «Ветер нагнал тучи» и «Ветер разогнал тучи», смотря по тому, что им хочется. Почему ты знаешь, что он нагонит их, а не разгонит?

– А ты не придирайся к словам, – остановил его Варгин, – лишь бы нам добраться сухими до места, а там в грозу даже лучше будет – страшнее. Привидения-то в непогоду главные балы свои и дают.

Сумерки петербургской летней ночи становились все гуще и гуще, так что дорогу можно было различить только благодаря черным пятнам росших по ее сторонам деревьев.

Было совсем темно, и появились уже крупные капли дождя, когда друзья подъехали к освещенному трактиру. Тут торговали всю ночь, в особенности в такую, какая выдалась на этот раз. Можно было ждать, что проезжие завернут сюда, чтобы укрыться от непогоды, и потому трактир был освещен сверху донизу.

Когда три приятеля поднимались по узкой скрипучей деревянной лестнице в верхнюю горницу, служившую чистой половиной и предназначенную для благородных гостей, блеснула молния и раздался первый удар грома. Хозяин, показывавший с фонарем дорогу гостям, вздрогнул и перекрестился. Дождь вдруг полил ручьем и захлестал в маленькие окна чистой горницы, куда хозяин, ввел приезжих.

Эта горница была чистой только по названию, на самом же деле спертый ее воздух и грязь по стенам, лавкам и столам свидетельствовали о совершенно противоположном.

– Вовремя доехали! – сказал Кирш, прислушиваясь к звукам грозы. – Ну, вот что, борода, – обратился он к хозяину, – ты приготовь нам, во-первых, водки, потом пива английского, потом самовар поставь да закусить что-нибудь сделай: яичницу-глазунью, что ли.

– Это можно, – согласился хозяин, – сию минуту все подадим.

– Нет, ты не торопись, – остановил его Кирш, – подашь все это впоследствии. Мы сейчас пойдем, а потом вернемся и будем закусывать.

Хозяин поглядел на него, вытаращив глаза, и отшатнулся даже, недоумевая, куда можно было идти в такую погоду.

– Тут, говорят, есть поблизости усадьба князя Верхотурова, – заговорил Варгин, – так вот ты нам расскажи, как попасть в нее.

– С нами крестная сила! – произнес хозяин и опять перекрестился. – Вы хотите идти туда?

– Вот именно! – сказал Кирш.

– В такую-то ночь?

– Это не твое дело; отвечай на то, о чем у тебя спрашивают.

Хозяин снова закрестился и замахал руками.

– И говорить не хочу про это проклятое место. Виданное ли дело, чтобы кто-нибудь ночью туда идти посмел? Да и дороги-то в такую темень не найдете.

Новый блеск молнии и раздавшийся без перерыва вслед за нею удар грома заставили на этот раз вздрогнуть всех. Удар был такой оглушительный, что молния должна была упасть где-то очень близко.

– Ишь его как! – сказал Кириш, оглядываясь на окно. – Ну, так что ж, борода, в какую сторону усадьба? А?..

– Отпустите, господа добрые! – взмолился хозяин. – Не пугайте! Мне и говорить-то об этом страшно!

– Да что ты дурака ломаешь? – начал было до сих пор молчавший Елчанинов, но остановился, потому что в это время сквозь стоны грозы послышались отчаянные крики нескольких голосов.

– Там случилось что-то! – сказал Варгин и бросился к двери.

Хозяин юркнул впереди него, внизу послышались тяжелые шаги, и несколько людей, с трудом переступая с ноги на ногу, стали подниматься по лестнице, неся на руках человека с окровавленным лицом, по-видимому, лишившегося сознания.

Глава V

Оказалось, что почти перед самым трактиром опрокинулся на ухабе огромный дормез, следовавший на почтовых. Лошади испугались громового удара, ямщик не справился с ними, они рванули в сторону и опрокинули попавший в это время в ухаб экипаж. Ямщик и лакей, сидевшие на козлах, угодили в грязь и отделались легкими ушибами, а бывший в дормезе господин не обошелся так счастливо. При падении тяжелая шкатулка ударила его углом в голову, так что его вынули из дормеза окровавленного и в бесчувственном состоянии. Это был иностранец, французский эмигрант, покинувший, как объяснил его лакей, родину ввиду тех неприятностей, которые чинила там дворянам народившаяся республика. Лакей был поляк, живший в Париже и говоривший по-французски. Он все всплескивал руками и жалобно стонал, повторяя: «Jesus, Maria».

Раненого уложили на тюфяке на скамейку в чистой горнице, и Кирш, Елчанинов и Варгин, забыв уже о первоначальной цели своего приезда сюда, стали ухаживать за ним.

Рана оказалась серьезной, крови вышло слишком много, и можно было опасаться сотрясения мозга.

Сделали перевязку, положили лед на голову; распорядился всем Кирш, но больше всех хлопотал Варгин.

Часа через полтора раненый очнулся, открыл глаза и повел ими вокруг, как бы спрашивая, где он и что с ним произошло.

Лакей нагнулся над ним и, называя его маркизом, стал спрашивать, где у него болит и как он себя чувствует. Маркиз узнал своего слугу, улыбнулся ему и пристально уставился на Кирша.

Тот, свободно владевший французским языком, назвал себя и своих двух товарищей, объяснив, что они рады служить, чем могут, иностранному гостю и помочь ему в его несчастье.

– Где я? – спросил маркиз, закрыв глаза и снова открывая их.

Ему объяснили.

Веки француза опять опустились, он стал тяжело, но ровно дышать, словно погрузился в глубокий сон.

– А как фамилия маркиза? – шепотом спросил Варгин у его лакея.

– Маркиз де Трамвиль! – значительно произнес тот, подымая брови.

– Он французский дворянин?

– Аристократ, – сказал лакей.

– В первый раз в России?

– В первый!

– Никогда не был тут?

– Никогда!

– И не говорит по-русски?

– Ни слова!

– Вы давно у него служите?

– Нет, недавно. Пан нанял меня в Познани за то, что я говорю по-русски.

По-русски говорил он очень плохо, с сильным акцентом и часто вставлял в свою речь польские слова.

– А вы не знаете, – продолжал расспрашивать Варгин, – где маркиз должен был остановиться в Петербурге?

– Того совсем не знаю! – покачал головой лакей.

– Есть у него, по крайней мере, здесь кто-нибудь, кому можно было бы дать знать о случившемся с ним?

– И того не знаю!

– Как же быть? – обратился Варгин к товарищам. – Ведь нельзя же оставлять его здесь, на перепутье!

– Да и везти никуда нельзя, – сказал Кириш, – пожалуй, не выживет. Похоже на то, что дай Бог, чтобы до завтра дожил.

– Вот жизнь-то человеческая! – философски заметил Варгин, глядя на молодое, нежное и красивое лицо маркиза, – ведь какой молодец, подумаешь! Если бы ему сегодня утром сказали, что вечером он будет накануне смерти, он, конечно, не поверил бы, а теперь...

Маркиз вдруг поднял глаза и, словно в ответ на слова Варгина, произнес ясно и отчетливо на французском языке:

– Я умру!

Эти два слова Трамвиль произнес так неожиданно, что никто в первую минуту не нашелся, что ответить ему, и водворилось неловкое и долгое молчание.

– Я умру, – повторил маркиз, – я это чувствую. Станислав! – позвал он, не поворачивая головы, двинуть которую был не в силах, и только глазами ища своего слугу.

Станислав, стоявший у изголовья, подошел и стал так, чтобы его было видно больному.

– Шкат... шк... – невнятно пробормотал тот заплетающимся уже языком.

Сделанные им усилия, чтобы проговорить несколько слов, заставили его снова ослабеть.

– Шкатулку? – подсказал Станислав, видимо научившийся уже понимать барина с полуслова.

Трамвиль закрыл глаза, как бы сказав этим: «Да!». Станислав взял со стола тяжелую, окованную скобами шкатулку и поднес ее.

– Открыть?

Маркиз опять показал глазами, что «да».

Шкатулка была та самая, которая при падении экипажа причинила все несчастья, ударив углом в голову бедного Трамвиля.

Станислав открыл ее.

Там стоял в бархатных гнездах ряд пузырьков и флаконов, так надежно помещенных, что ни один из них не разбился. Правда, они были сделаны из прочного, граненого, очень толстого хрустала.

– Крайний... в... левом... углу... – напрягая все свои силы, выговорил маркиз.

Тут на помощь Станиславу пришел Кириш. Он скорее поляка распознал, какой угол считать левым, достал флакон, показал его Трамвилю и спросил:

– Этот?

Трамвиль закрыл глаза.

– Сколько капель?

– Три.

– Три капли только, на стакан воды? – переспросил Кириш.

– Да!

Кириш налил воды в стакан, капнул три раза из флакона ярко-красной, цвета чистого рубина, жидкости, отчего вода не порозовела, а приняла только перламутровый оттенок, и снова спросил:

– Дать вам это выпить?

– Да, да!.. – показал глазами маркиз.

Кириш осторожно поднес к его губам стакан со странным лекарством и бережно почти вылил ему в рот его содержимое.

Через несколько минут глаза Трамвиля широко открылись, он улыбнулся и заговорил бодро и свободно. Три капли сделали чудо, вернув ему, полуживому, жизнь.

– Чем ушибся, тем и лечись, – заметил Варгин. – Шкатулка ушибла, в ней же и лекарство оказалось.

– По всей вероятности, удар, полученный мной в голову, не обойдется без серьезных последствий, – заговорил маркиз. – Рана, вероятно, не опасна, но по тому состоянию, в котором я только что находился, можно судить, что существуют несомненные признаки мозговой горячки.

Тогда почти всякую болезнь называли «горячкой».

– Светлый промежуток, который позволил мне очнуться, – продолжал маркиз, – и который я решил поддержать и продолжить приемом сильного средства, скрытого в каплях этого эликсира, – не что иное, как вспышка угасающей лампы, которая вдруг блеснет, перед тем как окончательно потухнуть. – Трамвиль приостановился, как бы испугавшись, не слишком ли он говорит многословно и поспеет ли договорить то, что ему было нужно. – Силы скоро снова оставят меня, – сказал он, – и, может быть, не вернуться. Но я не могу умереть, не исполнив до конца того, зачем приехал сюда. Надеяться на выздоровление трудно.

– Отчего же? – начал было Кирш. – Может быть, и обойдется?

– Дайте мне договорить, пока я могу это сделать, – перебил его Трамвиль. – Я вижу, вас трое возле меня добрых людей, принявших во мне участие. Судьба, пославшая мне, может быть, последнее испытание, столкнула меня при этом с вами, точно желая все-таки оказать мне помощь. Дайте же мне слово, что вы исполните мою просьбу...

– Что он говорит? – спросил Варгин, не понимавший по-французски.

Елчанинов понимал, хотя говорил плохо.

– Он просит нас что-то исполнить для него, – пояснил Кирш.

– Ну, конечно, мы согласны! – решил Варгин.

– Говорите, – сказал Кирш Трамвилю, – мы готовы служить вам.

– И даете слово, что все сделаете так, как я скажу?

– Даем.

– Немедленно, то есть сегодня же на рассвете?

– Когда угодно, хоть сегодня на рассвете.

– Тогда слушайте, – проговорил Трамвиль и начал объяснять, в чем состояла его просьба.

Он лежал, неподвижно вытянувшись на скамейке, с обвязанной головой, не шевелясь, но говорил отчетливо, словно владел всеми своими силами. Эта бодрость его голоса составляла странную и резкую противоположность с полным бессилием его тела. Казалось, на скамейке лежал не живой человек, а покойник, который вдруг заговорил, и речь его жутко звучала в освещенной сальными свечами закопченной «чистой» горнице придорожного трактира.

Гроза на дворе унялась, и только изредка раздавались раскаты удалявшегося грома.

– Я не могу двинуться, – сказал Трамвиль, – боюсь, что всякое лишнее усилие скорее заставит наступить забытье. У меня на груди надета замшевая сумка на тесемках; снимите ее!

Кирш распахнул ему ворот рубашки и достал сумку. Трудно было, не беспокоя больного, снять ее ему через голову. Кирш обрезал тесемки.

– Так, – одобрил маркиз. – В этой сумке лежит письмо. Вы возьмете его и сегодня же на рассвете отправитесь в Зимний дворец.

– В Зимний дворец? – переспросил Кирш.

– Да, и если государь император сегодня там...

– Это письмо к государю? – удивился Кирш.

– Я забыл попросить вас еще об одном, – сказал Трамвиль, – не спрашивайте меня ни о чем, потому что большего, чем я скажу вам, я не могу сказать, и отправляйтесь в Зимний дворец, и если государь император там, то спросите придворного арапа Мустафу и отдайте ему письмо. Не рассказывайте ничего о том, как и откуда очутилось оно у вас. Если Мустафа будет спрашивать, отвечайте ему только: «Он жив в сыне». Тогда он замолчит, пойдет и передаст

письмо, кому следует. Подождите. Он принесет ответ. Этот ответ немедленно привезете сюда, ко мне.

Кирш выслушал очень внимательно и, казалось, все отлично запомнил.

– Все-таки я должен спросить вас, – проговорил он, – если государя нет в Петербурге, а он, что вероятнее всего, теперь в Петергофе, то как мне поступить?

– Государь здесь, в Петербурге, – уверенно произнес Трамвиль, – будьте спокойны. Если его даже вчера утром не было, вечером он приехал наверняка и почивал в Зимнем дворце. Поезжайте туда смело и сделайте все, как говорят вам.

«Вот так штука! – думал Кирш, внутренне улыбаясь. – Ехали, чтобы встретиться с привидениями, и вдруг маркиз, Зимний дворец, арап Мустафа... Странные случаются на свете положения!»

– Теперь, – продолжал между тем Трамвиль, – выньте верхнее отделение шкатулки с флаконами... Станислав!..

Лакей поспешил исполнить приказание. Под флаконами шкатулка была разделена надвое. С одной стороны были насыпаны золотые монеты, с другой – лежало несколько связок писем и бумаг.

– Ого, сколько золота! – проговорил Варгин. – Он, должно быть, богатый.

– погоди, не мешай, – остановил его Елчанинов.

– Возьмите эти бумаги, – сказал маркиз, – и отвезите их на яхту, остановившуюся на Неве. Яхта называется «Сирена» и принадлежит леди Гариссон.

– Что он говорит? – опять спросил Варгин, не понимавший по-французски.

Кирш перевел ему.

– Я думал, он нам хочет подарить свое золото! – несколько разочарованно протянул Варгин. – Впрочем, на яхту ехать – это тоже хорошо. Я с удовольствием поеду... Все-таки интересно...

Письма и бумаги были переданы Варгину. Он обещал доставить их на яхту сегодня же на рассвете.

– Затем последнее... самое важное для меня, – сказал маркиз заметно уже ослабевшим голосом (силы, видимо, оставляли его, и действие возбуждающего лекарства проходило), – пусть третий из вас поедет в дом к князю Верхотурову...

– Князь Верхотуров умер несколько дней тому назад, – заметил Кирш.

Трамвиль продолжал, как бы не слушая:

– Отвезет туда перстень, который у меня на безымянном пальце, и расскажет все, что со мною случилось... Это самое важное для меня... Умоляю... Сделайте!

– Да князь Верхотуров умер, – повторил опять Кирш.

– Не князю расскажет, а...

Трамвиль не договорил. Судорога исказила ему лицо, все тело дрогнуло, и маркиз замер недвижимый и безжизненный.

– Пан кончается! – проговорил поляк-лакей, сложив руки.

Кирш нагнулся к больному.

– Нет, еще дышит, – успокоил он. – Снимите же с его руки перстень!

– Я боюсь, – заявил поляк.

– Да куда же я поеду с этим перстнем и кому стану рассказывать? – спросил Елчанинов. – Ведь он не договорил... Подождем, может, он еще очнется.

– Едва ли! – сказал Кирш, смело наклоняясь к Трамвилю. – А ехать тебе все-таки надо в дом князя Верхотурова. Не найдешь там никого – дело другое, а ехать – поезжай... Мы обещали ему.

– Что ж, я поеду! – согласился Елчанинов.

Кирш снял перстень и отдал его Елчанинову.

Глава VI

До рассвета друзья решили не оставлять больного.

Варгин заявил, что он просидит возле него всю ночь. Елчанинов сказал, что сидеть не может, потому что все равно заснет, и лег на скамейку под окна. Кирш ничего не сказал, но, оказалось, один он всю ночь провел без сна у изголовья Трамвиля. Собравшийся бодрствовать Варгин быстро заклевал носом и захрапел, положив руки на стол и беспомощно опустив на них голову. Поляк-лакей расположился на полу. Кирш заставил его лечь и подкрепиться сном, чтобы потом он мог ухаживать за своим баринном, когда они уедут и он останется при нем.

Положение Трамвиля было очень серьезно. Однако жизнь не оставляла его. В середине ночи дыхание как будто стало яснее, и маркиз несколько раз бредил, ясно произнося слова. К утру он снова едва дышал.

На рассвете Кирш разбудил товарищей и Станислава и, передав ему попечения о больном, сам заложил чухонскую лошадку в таратайку.

Сонный Елчанинов и едва проснувшийся Варгин, лениво потягиваясь, сели в экипаж. Но утренний свежий воздух быстро заставил их разгуляться.

– Странный этот маркиз, – сказал, когда они тронулись, Кирш, молчавший до сих пор все время.

– Чего страннее! – подтвердил Варгин. – Одно слово – француз.

– В том-то и странность, что он выдает себя за француза, ни слова не понимающего по-русски, – пояснил Кирш, – а между тем ночью в бреду он произнес несколько слов чисто русских и выговорил их совершенно правильно.

– Какие же это слова? – любопытствовал Варгин.

Кирш ему не ответил.

Въехав на заставу, они расстались. Варгин отправился в таратайке домой, чтобы сдать лошадь чухонцу и затем везти порученные ему бумаги на яхту. Их он положил в нагрудный карман и поддерживал все время рукой, из боязни потерять.

Кирш с Елчаниновым пошли пешком до извозчиков. Идти им пришлось долго, почти до Ямской слободы, где они встретили наконец два «калибра», то есть дрожки того времени, на которые седоки помещались верхом.

Усевшись на такой, не отличавшийся особенными удобствами, экипаж, Кирш, простившись с Елчаниновым, затрясся по бревнам старомодной мостовой, на главных улицах уже замененной камнем, но сохранявшейся еще тогда в Петербурге на окраинах. Бревна, положенные рядами поперек улицы, ходили в иных местах под дрожками, как клавиши. Положение седока, сильно напоминало положение морского пассажира во время качки на корабле, но обыватели в силу привычки мирились с этим.

Кирш тоже покорно сносил посланную судьбой пытку, и только когда экипаж уж очень встряхивало, у него вырывалось отчаянное восклицание:

– О, чтоб тебя!

Однако извозчик со своим выпущенным на спину из-за ворота жестяным номером на ремешке не принимал этих слов на свой счет, делал вид, что погоняет лошадь, и дергал вожжами, как будто говоря кому-то:

– О, чтоб тебя!

Был ранний час утра, и улицы пустовали. Но мало-помалу стали попадаться на них чиновники, спешившие в присутственные места, и так же, как Кирш, покорно выносили пытку извозчицкой езды.

Еще недавно, при мудром управлении блаженной памяти императрицы Екатерины II, чиновники почти совсем не бывали на службе, руководясь пословицей, что «дело-де не волк, в

лес не убежит»; но теперь, при новом государе, Павле Петровиче, они должны были ежедневно являться к своим местам в шесть часов утра. Порядки изменились. Кто хотел служить, должен был подчиняться им. Еще не отворались лавки, еще кухарки не выходили со своими корзинками на базар, а уже сгорбленные, с перекосившимися от вечного писанья плечами фигуры чиновников мелькали на улицах...

Когда Кирш въехал на Невский проспект, пробуждение города стало заметнее.

Странный вид представляла тогда лучшая улица русской северной столицы: наряду с большими зданиями, не уступавшими своим великолепием дворцам, тянулись деревянные заборы и попадались одноэтажные деревянные домики с покосившимися мезонинами. Возвышалась постройка католической церкви, а Казанский собор представлял собой низенький четырехугольный корпус с неуклюжей колокольной по типу собора в Петропавловской крепости. Аничков и Полицейский мосты были подъемные, на цепях, с павильонами по углам.

Гостиный двор, похожий скорее на базар или рынок, был облеплен ларями мелких торговцев. Магазинов было мало. Попадались вывески аптек с нарисованными на них чашами, в которые, обвив их, опускают голову змеи. Помещенные над лавками надписи часто вовсе не соответствовали тому товару, который можно было найти в них. В помадной лавке продавалась свежая сельтерская и пирмонтская вода; в овощной линии, в лавке Ярославской мануфактуры, предлагали покупателям русские песни с нотами для фортепиано, «которые и на скрипке можно играть»...

Длинный и широкий Невский проспект был обсажен по обеим сторонам деревьями, правда, довольно тощими, которые росли без всякого за ними ухода. Грязь, пыль и нечистоты царили повсюду, и это неустройство ничуть не уменьшалось, хотя по всему проспекту тянулся ряд хорошо знакомых Киршу будок для блюстителей порядка. От этих будок, раскрашенных косыми полосами – черными и белыми, – немилосердно рябило в глазах.

Год тому назад, когда государь возвращался из Москвы после коронации, военный губернатор Петербурга Архаров императорским именем распорядился, чтобы к приезду Павла Петровича все заборы обывательских домов были выкрашены одинаково, под стать будкам, – косыми черными и белыми полосами. Распоряжение последовало внезапно, и на исполнение его было дано так мало времени, что в Петербурге вздоржало в один день чуть ли не вдвое черная и белая краска.

Архаров думал доставить этим удовольствие государю, но Павел Петрович, разумеется, рассердился на такую нелепость, и Архаров лишился места.

С ним вместе выгнали со службы полицмейстера Чулкова, за его безобразные распоряжения, в силу которых сено страшно вздоржало.

Варгин все это изобразил в карикатуре, ходившей потом по всему городу и вызывавшей неразрешимые догадки о том, кто ее автор. Он нарисовал Архарова, лежавшего в гробу, выкрашенном косыми черными полосами, как полицейские будки, по четырем углам изобразил уличные фонари, а в изголовьях гроба – Чулкова в полной парадной форме, плачущего и вытирающего глаза сеном. Эта карикатура почему-то вспомнилась Киршу, и он улыбнулся, подумав о ней.

Солнце уже взошло и светило яркими лучами. Воздух был чистым и теплым. После вчерашней грозы наступал хороший, ясный день.

Кирш слез и отпустил извозчика, не доезжая до Зимнего дворца, потому что не счел удобным подъезжать на калибре к императорской резиденции.

Большое здание дворца с колоннами и вычурными украшениями широко растянулось и показалось Киршу сегодня особенно объемистым. Он никогда не бывал внутри и положительно не знал, к какому подъезду ему направиться. Почему-то он решил, что с площади, где выдвигались широкие вестибюли, не следует идти, а лучше поискать со стороны набережной более скромного входа.

Он обогнул дворец. Перед ним открылась широкая Нева. Она была так красива, что Кирш всегда останавливался, чтобы полюбоваться ею.

У парапета набережной он заметил человека в партикулярном платье, который стоял и оглядывался по сторонам, как будто поджидая кого-то. Цвет его лица был более чем смуглый, почти темно-коричневый.

Кирш подошел к нему, вежливо приподнял шляпу и не без некоторой запинки спросил, стараясь сделать это как можно учтивее:

– Я имею честь говорить... то есть вижу перед собой, вероятно, одного из придворных арапов?

Он никогда не разговаривал с придворными арапами и решительно не знал, как следует вести себя с ними.

Арап внимательно глянул на него своими черными, как уголь, глазами и, точно прочтя его мысли, ответил:

– Да, я – придворный арап Мустафа.

– Вас-то мне и нужно! – вырвалось у Кирша.

Мустафа снова оглядел его.

– Если вам нужно меня, – ответил он, – то, значит, вы, должно быть, тот, которого я жду.

По всей видимости, Кирш разговаривал именно с тем лицом, к которому у него было поручение от маркиза де Трамвиля, но он все-таки не пожелал так сразу отдать ему письмо, не убедившись окончательно, что оно попадет по назначению.

Кирш помнил, что Трамвиль настаивал еще на пребывании сегодня в Петербурге государя.

– Если вы меня ждете, – сказал он арапу, – то, очевидно, знаете, с чем я пришел к вам.

– С письмом, – ответил Мустафа, добродушно улыбаясь и как будто одобряя этой улыбкой осторожность Кирша.

Тот поднял было руку к карману, где у него лежало письмо, но потом вдруг опустил ее и спросил:

– А государь сегодня провел ночь в Петербурге?

Арап ответил не сразу. Он выждал некоторое время, как бы раздумывая, и потом проговорил:

– А вам было сказано, что он должен провести ночь здесь?

– Да.

– В таком случае и я вам могу сообщить, что государь, действительно, в настоящее время находится здесь, во дворце, но приехал сюда вчера из Петергофа инкогнито. Об этом никто не должен знать.

Это было сказано так, что Кирша невольно взяло сомнение, правда ли это. С какой стати было приезжать императору в свою столицу инкогнито, когда он мог посетить Петербург совершенно открыто?

«Врешь ты, черномазый», – подумал он, поглядев на арапа.

Мустафа, словно поняв это, но нисколько не смутившись, вскинул плечами и сказал:

– Впрочем, пребывание здесь государя совсем не важно для вас. На письме должны стоять вместо адреса пять латинских литер: «J. N. V. M. L.» Если у вас письмо с этими литерами и вам велено передать его придворному арапу Мустафе, чтобы он отнес его, куда следует, то не сомневайтесь дальше и давайте мне письмо, потому что я – Мустафа.

Арап оказался хорошо осведомленным. На письме, которое лежало в кармане Кирша, стояли вместо адреса названные Мустафой литеры: «J. N. V. M. L.»

Это убедило Кирша. Он вынул письмо и отдал его.

– Мне нужен ответ, – заметил он при этом.

– Я вам принесу его, – кивнул головой Мустафа.

– Мне ждать вас здесь, на улице?

– Зачем на улице? Я проведу вас в более подходящее для ожидания место. Пожалуйста за мной!

«Как этот арап хорошо и правильно говорит по-русски!» – думал Кирш, входя за Мустафой в маленький подъезд, служивший входом на каменную витую лестницу с отлогими и спокойными ступенями.

Они поднялись на один пролет и вошли в просторную прихожую, откуда повернули в длинный сводчатый коридор. Кроме старика-солдата, стоявшего у подъезда и являвшегося, вероятно, помощником швейцара, никто не попался им по дороге.

Мустафа отворил первую дверь в коридоре направо и ввел Кирша в небольшую комнату, по-видимому приемную, потому что в ней, кроме стола и стульев по стенам, никакой другой мебели не было.

Кирш думал, что арап оставит его здесь, а сам уйдет с письмом, но тот затворил дверь и приблизился к окну, поманив за собой Кирша.

– Судя по вам, – заговорил он, пригибаясь близко к Киршу, – вы петербургский житель?

– Да, я – петербургский. Но откуда вы это заключаете? – спросил Кирш.

– Вас зовут барон Кирш... Я вас знаю, – сказал арап.

Кирш невольно отступил, удивленный, каким образом этот Мустафа, которого он видел в первый раз в жизни, знает его фамилию.

– Вы меня не знаете, – продолжал Мустафа, – а я вас знаю, и знаю даже, какие книги вы читаете, вдруг бросив кутеж и запершись у себя в полном уединении.

Удивление Кирша росло. Если бы не он сам своими ушами слышал то, что ему говорили, он не поверил бы – до того оно казалось невероятным, почти сверхъестественным.

Мустафа не мог не видеть, какое впечатление производят его слова.

– Но дело не в этом, – заключил он, – мне нужно знать, каким образом это письмо попало к вам в руки и почему именно вы привезли его сюда?

Как ни был поражен Кирш, он все-таки помнил, что маркиз наказал ему ничего не упоминать о нем и не рассказывать, что с ним произошло. Он совладал с собой и ответил, судя по внешнему виду, очень спокойно:

– Вы знаете обо мне так много, что мне самому о себе говорить не приходится.

– Но я все-таки прошу вас сказать... – начал было снова арап.

Кирш не дал договорить ему. Он наклонился и, как научил Трамвиль на случай расспросов со стороны Мустафы, шепнул ему на ухо:

– Он жив в сыне!

Кирш не знал значения и тайного смысла этих слов, хотя по тем книгам, которые он читал, смутно догадывался.

На Мустафу они произвели немедленное и словно неотразимое действие. Он вдруг оборвал свою речь, смолк, поклонился и приложил руку ко лбу.

– Будьте добры, – тихо произнес он, став вдвое почтительнее, – повремените здесь, пока я вернусь. Лучше всего закройте дверь на ключ, чтобы не вошел кто-нибудь и не увидел вас здесь одного. Я постучу треугольным ударом.

Он поклонился еще раз и вышел из комнаты.

Глава VII

Мустафа вышел, Кирш остался один и запер за ним дверь на ключ, потому что так действительно было спокойнее.

Его охватило то странное рассеянное чувство, которое испытывает обыкновенно человек, предоставленный самому себе в незнакомой и чуждой ему обстановке. Барон не мог сосредоточиться настолько, чтобы привести в порядок свои мысли и разобраться в испытываемых со вчерашнего дня новых впечатлениях, не мог привести в своем уме в порядок последовательность фактов и распознать взаимное их отношение. Как будто все происходило без всякой связи, вдрог выскакивая, словно ракеты в фейерверке.

Очутись он один у себя дома, он спокойно отличил бы важное от неважного, но тут, запершись в комнате, где он был в первый раз, он должен был чувствовать, что приключение, в которое он попал, не отошло еще в прошлое, и потому еще рано делать по поводу него какие-нибудь выводы. Что будет дальше – Кирш не знал, не знал даже, что это за треугольный удар, которым обещал постучать Мустафа, когда вернется.

Кругом стояла полная тишина. Кирш на цыпочках приблизился к окну: оно выходило на Неву. Кирш сел на подоконник и стал смотреть на широкую, темную реку. Кое-где видневшиеся лодочки начавших свою работу перевозчиков казались совсем маленькими, точно игрушечные.

«То, что он знает, как меня зовут, – думал Кирш про Мустафу, – хотя и удивительно, но все-таки поддается объяснению. Он просто мог где-нибудь меня встретить и спросить у кого-нибудь, кто знает меня, как моя фамилия. Но книги! Книги! Откуда ему известно про них?»

По коридору раздались шаги, кто-то быстро прошел мимо; через некоторое время вновь раздались шаги, затихли у двери, и дверная ручка шевельнулась; кто-то хотел войти, но, поняв, что дверь заперта, прошел дальше, и снова наступила тишина.

По набережной прошли два мужика, сняв перед дворцом шапки. Показался ялик, державшийся ближе к берегу и плывший вниз по течению. Двое ражих лодочников крепко налегали на весла, а на корме сидела фигура, сразу показавшаяся Киршу знакомой.

«Батюшки, да это – Варгин! – узнал его Кирш. – Он, значит, с самой Фонтанки к яхте на ялике плывет. Дельно!»

В комнате было душно, но Кирш боялся открыть окно: с улицы его мог кто-нибудь заметить, а этого он не хотел.

Время шло очень медленно, ждать пришлось долго. Кирш, проведший бессонную ночь, стал клевать носом и делал неимоверные усилия, чтобы не заснуть. Наконец в дверь стукнули: раз, потом, после некоторого промежутка, еще два раза.

«Должно быть, это и есть треугольный удар», – решил Кирш, подошел к двери, отпер ее и встретился лицом к лицу не с арапом, которого ожидал увидеть, а с длинным, сухим серым человеком, все было у него – и кафтан, и чулки, и парик с косичкой, и глаза, и даже само лицо – серое.

Этот серый человек ничуть не удивился тому, что Кирш отворил ему дверь, как будто знал, что тот был тут. Он сложил губы в улыбку, которая, однако, не вышла, а серое лицо скорчило только гримасу, и, мотнув корпусом в виде поклона, юркнул в комнату с бойкостью, не совсем соответствовавшей его длинному росту.

Захлопнув дверь, он два раза повернул ключ в замке и, схватив Кирша за руку, оттащил его в угол.

– Господин барон! – начал он и приостановился, повернув голову в сторону коридора и прислушиваясь.

Чьи-то тяжелые, словно мраморной статуи, шаги гулко раздавались по коридору; они звучали отчетливо, ясно, и по мере того, как они становились яснее, то есть ближе, лицо серого человека становилось белее; он замер на месте и, казалось, не дышал, крепко сжимая руку Кирша, как бы желая дать понять этим, чтобы тот не двигался и не подавал признака жизни.

Кирш видел, как задрожали колени у серого человека и заходила нижняя челюсть, когда шаги раздались возле самой двери, словно они несли смертельную, неумолимую опасность. Кирш не понимал, в чем могла состоять эта опасность, однако не решился спросить, в чем дело, – до того было выразительно пожатие серого человека и, главное, его испуганное, совершенно побледневшее лицо.

– Прошло! – сказал он, тяжело вздохнув, когда шаги миновали и замолкли.

– Что такое? Что прошло? – спросил с недоумением Кирш.

– Ничего, ничего, господин барон! – зашептал серый человек. – Только, если бы он увидел меня вместе с вами, нам бы обоим, пожалуй, несдобровать!

– Да кто «он»? – спросил опять и уже с тревогой Кирш.

Серый человек между тем успел уже прийти в себя.

– Все равно! – сказал он. – Ничего, никто!.. Я вам принес ответ на письмо.

Он достал из кармана запечатанный конверт – тогда конверты были еще новшеством, только что входившим в употребление, – и быстро передал его Киршу. На конверте было написано: «Маркизу де Трамвилю, в собственные руки».

Кирш вопросительно поглядел на своего таинственного собеседника, с тревогой и недоумением ожидая, что он скажет.

– Скажите, – заговорил серый человек скороговоркой шепотом, торопя слова и не договаривая их, – скажите, что все идет прекрасно, что Куракин сломал себе голову. Скажите, что тут действуют не покладая рук!

– Позвольте! – остановил его Кирш, давно уже желавший возразить, но не имевший возможности сделать это – так быстро сыпал словами серый человек. – Позвольте, но, насколько мне известно, господин Куракин – уважаемый и дочтенный вельможа. Мне кажется, радоваться падению таких лиц нечего.

Серый человек отстранился немного от Кирша, оглядел его с ног до головы, развел руками, опять сделал гримасу вместо улыбки и проговорил, тряхнув головой.

– Ловко! Очень ловко!

Кирш сердито насупился и сдвинул с гневным видом брови.

– Что вы хотите этим сказать? – сердито спросил он.

– Да то, господин барон, что есть на самом деле: что, выбирая вас, послали сюда очень осторожного и опытного человека. Право, вы прекрасно играете роль!

– Никакой роли я не играю, а говорю то, что думаю!

Серый человек усмехнулся, как бы сказав этим: «Знаем мы вас!» – и хитро подмигнул.

– Ловко! – повторил он. – Такой человек, как вы, – хорошее для нас приобретение.

– Да для кого «для вас»? – искренне удивился Кирш, начинавший уже чувствовать себя в крайне неловком положении.

– Для нас, которые, здесь, – подхватил серый человек.

– Это – черномазый Мустафа, что ли?

– О, не пренебрегайте им, господин барон! Он тоже очень дельный и ловкий; я вам рекомендую его, а вы, в свою очередь, замолвите словечко у тех, которые послали вас.

– Да меня никто не посылал, – возразил серому человеку Кирш, – я совершенно случайно... – и он остановился.

Дело было в том, что он дал положительное обещание маркизу де Трамвилю ничего не рассказывать о том, каким образом и по какому поводу поручено ему было отвезти письмо. Между тем выведенный почти из терпения несуразными речами серого человека, он чуть было

не проговорился. Ему стало очень досадно на себя, и он вдруг почувствовал, как кровь приливает к его щекам и он краснеет.

Серый человек понял его смущение иначе и истолковал его по-своему.

– Так вот, господин барон, – как бы заключая разговор, произнес он деловито, – все обстоит очень хорошо. Теперь позвольте проводить вас, так как мешкать нельзя, не то нас могут увидеть вместе.

Кирш только и желал, как бы поскорее выбраться из дворца, чтобы покончить, как он думал, с этой историей, в которую попал неожиданно-негаданно.

Серый человек проводил его через коридор и прихожую на лестницу и там раскланялся с ним. Он не назвал себя Киршу, а тот не спросил его об этом, потому, во-первых, что торопился, а во-вторых, это его ничуть не интересовало.

Выйдя из подъезда на свежий воздух, хотя уже и согретый солнечными лучами, но все-таки вольготный, по сравнению с душной комнатой, Кирш вздохнул свободнее. Ему очень хотелось отправиться теперь домой и лечь спать, но он чувствовал, что едва ли заснет, если не освободится от ответного письма Трамвилю, которое лежало теперь у него в кармане и словно давало себя чувствовать.

Он решил, что сядет в дилижанс, ходивший в Гатчину по дороге, где стоял трактир, в котором лежал теперь Трамвиль.

На Миллионной Кирш взял извозчика и, очень недовольный собой и всем случившимся, уселся сгорбившись, глубоко засунув руки в карманы.

«И чего я вляпался в эту историю? – упрекал он себя. – Теперь надо сильно подумать, как же быть?»

Положение его было, действительно, неприятно; по тому, что он мог понять из разговора серого человека, он видел, что затевалось что-то нехорошее, и притом в таких сферах, о которых он, Кирш, не думал, что попадет в них. А между тем он попал и так или иначе стал прикосновенен.

Что же ему было делать? Пойти и рассказать обо всем? Но, во-первых, идти ему было не к кому, а во-вторых, это значило сделать донос, что нравственно претило Киршу. Между тем молчать тоже было нельзя, потому что тогда он становился сообщником неизвестных ему людей, Бог их знает что замышлявших.

Так, сидя верхом на калибре и качаясь на нем по ухабам то в ту, то в другую сторону, барон не знал, на что ему решиться.

Доехав до дилижанса и разместившись в нем, Кирш все еще не знал, что ему делать; но тут глаза его сомкнулись, и он крепко заснул.

До отхода дилижанса было еще много времени.

Глава VIII

Варгин, расставшись с товарищами и отведя таратайку к чухонцу, решил сесть на Фонтанке в ялик и на нем спуститься в Неву, чтобы по ней прямо пробраться к стоявшей в ее устье яхте.

Он взял двух человек на весла. Ему попались два здоровых мужика: один – совсем молодой, другой – постарше. Они ловко и споро взмахивали веслами. Ялик быстро и гладко скользил по тихой поверхности воды.

Воздух был чист и прозрачен. Поездка, выпавшая на долю Варгина, обещала, по-видимому, одно только удовольствие.

Как бы то ни было, ночью он, хотя и не ложился, но все-таки выспался, и настроение его теперь было самое благодушное и приятное.

«Не потерять бы только как-нибудь бумаги!» – подумал он и достал их, чтобы убедиться, что они все у него целы.

Бумаги состояли из двух пачек и одного отдельного, сложенного в несколько раз листа. Пачки были перевязаны: одна – красной лентой, другая – зеленой. Концы лент соединялись в очень хитрые, красивые узлы и были закреплены сургучными печатями с изображением треугольника, по углам которого стояли древнееврейские буквы.

Варгин оглядел пачки со всех сторон и спрятал обратно в карман. Узнать их содержание, не распечатывая, было нельзя. Сложенный лист – другое дело: стоило только развернуть его.

«Если бы нельзя было посмотреть, что в этом листе, – сообразил Варгин, – его или запечатали бы тоже, или, по крайней мере, сказали бы мне, чтобы я не смотрел».

И он развернул лист.

Это был большой и подробный план какого-то замка, расположенного у соединения двух речек. Все комнаты, двери, лестницы и переходы были тщательно показаны. Надписей не было нигде, и не было обозначено, что это за здание, однако все можно было понять. Подъемные мосты, внешний двор, или коннетабль, службы – все было ясно.

– Да не может быть! – вдруг почти вслух проговорил Варгин. – Неужели это – план будущего Михайловского замка?

Они подходили уже к Неве и были как раз у того места, где впадает Мойка в Фонтанку и где при слиянии этих двух речек возводился по повелению Павла Петровича Михайловский замок.

Прежде здесь стоял построенный Петром Великим маленький деревянный дворец в итальянском стиле. Он назывался царицыным и служил для летнего пребывания. В нем часто жила в теплую погоду императрица Анна Иоанновна, предаваясь любимой своей охоте – стрельбе из лука. Из окон этого дворца она посылала стрелы в летавших птиц.

Елизавета Петровна отстроила дворец заново. Здесь она проживала весной обычно вместе с наследником и его супругой Екатериной Алексеевной, которая родила здесь сына Павла Петровича.

Екатерина, став императрицей, не посещала этого дворца, и он стоял в запустении, оживляясь только при празднествах, устраивавшихся на Царицыном лугу, оправдывавшем в то время свое название благодаря зеленой траве и клумбам с цветами, сплошь покрывавшим его.

Ходили рассказы, что вскоре после воцарения императора Павла часовой, стоявший на часах ночью у Летнего дворца, был поражен внезапным видением: ему явился светозарный муж в блестящих ризах, подобный изображению Архангела, и велел идти к государю и сказать ему, чтобы он на этом месте построил церковь в честь Архангела Михаила. Часовой исполнил все, как ему было сказано, и государь, когда выслушал его, ответил: «Я знаю». После этого

он немедленно отдал распоряжение о постройке на месте прежнего Летнего дворца большого каменного замка с церковью Михаила Архангела.

Планы были разработаны с невероятной поспешностью, под наблюдением самого государя, и было тотчас же приступлено к постройке. Весь кирпич, доставлявшийся в Петербург, скупался дворцовым ведомством. Частные строители не могли найти для себя каменщиков, все они были заняты на строительстве Михайловского замка.

По слухам, замок должен был затмить своим великолепием все дворцы прежнего царствования, отличавшегося, как было известно, блеском и роскошью. За границей для новых воздвигаемых царских палат были заказаны ковры, обойные материи, золотая и серебряная мебель. Скупались картины и статуи.

Обо всем этом знал Варгин, причастный к художественному, тогда еще очень малочисленному миру-Петербургу. Русские художники тоже готовили эскизы для фресок и плафонов. Варгин даже хлопотал, чтобы получить работу в замке, когда начнут расписывать там стены и потолки.

Теперь эти стены были почти выведены вчерне, и на возвышавшихся вокруг них лесах копошилось множество рабочих, с самого раннего утра занятых своим делом.

Как нарочно, гребцы, проходя мимо постройки, сделали передышку, подняв весла, и ялик замедлил ход, скользя только по инерции.

Варгин поглядел на строящийся замок, а затем на план – не было сомнения, это был план именно Михайловского замка: на нем были обозначены две речки, Мойка и Фонтанка, павильоны, манеж и конюшни – все так, как указывали возводящиеся стены.

«Что за странность, – удивился Варгин, – откуда этот план у иностранца, являющегося сюда прямо из-за границы, и почему он поручает немедленно отвезти его на английскую яхту к какой-то леди Гариссон? Что она будет делать с этим планом? В подрядчицы по постройке, что ли, желает она попасть?»

Неожиданное открытие, что он везет на яхту к англичанке план нового царского дворца, сильно смутило Варгина и сразу испортило благодушное настроение, в котором он был благодаря утренней поездке в лодке. Не ответственности он боялся, потому что понимал, что выдать его некому, но дело пахло какой-то интригой, и это не совсем нравилось Варгану.

«А мне какая печаль? – решил он наконец. – Поеду, отвезу – и дело с концом. Ведь план мог быть и запечатан, тогда я и не узнал бы, что везу его. Меня просил передать бумаги по назначению умирающий человек, я и передам. А больше ничего знать не хочу. Вот и все».

Он сложил план, спрятал его и, прикрикнув на гребцов, чтобы они налегли, уселся поудобнее и постарался думать о другом.

Стоявшую на якоре в Неве красивую яхту «Сирена» Варгин видел раньше, побывав вместе с другими любопытными петербуржцами возле нее и отъехав ни с чем, так как всякие попытки попасть на палубу яхты оставались тщетны.

Теперь, подплывая к ней, он издали узнал ее стройные мачты, красивый корпус и золоченую фигуру на носу. Яхта, залитая косыми лучами солнца, нежно вырисовывалась на голубоватой утренней дымке открывавшегося за ней залива.

Варгин, как художник, залюбовался переходом мягких тонов утреннего морского воздуха.

«Без берлинской лазури здесь не обойдешься, – мысленно прикидывал он, силясь распознать краски, – и неужели можно передать это кобальтом?»

В то время злоупотреблять берлинской лазурью считалось преступлением; для синего и голубого света требовалось обходиться кобальтом.

– Вокруг яхты прикажете? – спросил у Варгина лодочник, взмахнув веслами.

– Нет, подъезжай к трапу, мне на саму яхту нужно, – приказал тот.

Лодочник мотнул головой.

– Не пустят, барин! Сколько уж мы возим – никого не пускают. Она словно истукан стоит... то есть совсем никого не пускают...

– Ну, посмотрим, – сказал Варгин, – делай, что велят тебе!

Ялик приближался к яхте, левый трап на ней был поднят, но правый – опущен.

Лодочник обернулся и, видимо, удивился этому обстоятельству.

– И впрямь трап опущен, – проговорил он, – вчера еще тут с господами были – ничегошеньки ничего, а сегодня гляди – спущен!

Варгин сам не знал, как бы ему пришлось добиться входа на яхту, не будь этого спущенного трапа, но теперь препятствие было устранено, и путь был открыт.

– Ну, вот и подходи! – наставительно сказал он лодочнику.

Ялик не совсем ловко подошел и стукнулся бортом о нижнюю площадку трапа. Лодочники схватились за нее руками и подтянулись.

Варгин выскочил и быстро побежал вверх по ступенькам. Едва вошел он на верхнюю площадку – трап, как бы сам собою, невидимым механизмом, стал подниматься. У борта стоял часовой в широкополой лакированной шляпе.

– Мне нужно видеть леди Гариссон, – смело обратился к нему Варгин, поощренный уже тем, что так легко и просто попал сюда.

Он объяснил это себе тем, что, вероятно, на яхте ждали кого-то, кто должен привезти бумаги, потому маркиз де Трамвиль и просил, чтобы они были доставлены сегодня же.

Часовой молча поднял руку и протянул ее, показав вперед.

Навстречу Варгану по палубе шел человек, одетый по последней моде: в темно-зеленый фрак, светло-пепельный с красными мушками жилет с большими отворотами и в лакированные сапоги. Шея его была обмотана высоким галстуком-бантом, из-за которого высывались концы батистового жабо. На голове у него была круглая серая шляпа.

Этот модный костюм, введенный в республиканской Франции, был в России при императоре Павле под запрещением; в круглых шляпах и во фраках у нас тогда не позволялось показываться на улице. Император требовал, чтобы носили по-старинному: парики с косичками, кафтаны, камфозы, чулки и башмаки; так одевалась Франция времен королей, и у нас даже в одежде не были терпимы республиканские новшества.

Варгин не без любопытства оглядел одежду этого господина, сделал к нему несколько шагов, поклонился и снял свою треугольную шляпу.

Господин ответил таким же поклоном и заговорил на иностранном языке, должно быть на английском; для Варгана это было все равно, потому что он никакого другого языка, кроме русского, не знал.

Он уже мысленно прикинул, как он подметит повадки встретившего его иностранца и будет представлять его, рассказывая товарищам о своем посещении яхты. Для того чтобы сцена вышла комичнее (Варгин не мог обойтись без того, чтобы не сдурить), он стал подчеркнута жеманно расшаркиваться, разводить руками и мотать головой, как бы выражая этим свое отчаянье, что не может понять то, что ему говорят.

Иностранец перешел на французский язык, звуки которого были знакомы Варгину, но он опять сделал вид, что ничего не понимает. Тогда господин заговорил по-немецки. Варгин хотя не говорил, но кое-что понимал из германского наречия, однако опять-таки ради потехи утрированно раскланялся и проговорил скороговоркой, уверенный, что иностранец, в свою очередь, не поймет русского языка.

– Позвольте мне, почтеннейший незнакомец, выразить вам чувство живейшего сожаления, что я, выражаясь высоким слогом, ни черта не смыслю в других диалектах, окромя российского.

Проговорил он это с таким видом, как будто его выражения были чрезвычайно учтивы и высокопарны. Господин любезно кивнул головой и ответил на чисто русском языке:

– В таком случае будем говорить по-русски.

Варгин сконфузился. Он никак не ожидал этого и, чувствуя, что вместо того, чтобы высмеять господина, сам попал в смешное и неловкое положение, замялся и с глупой улыбкой очень глупо сказал ни с того ни с сего:

– Извините!

Потом он долго не мог простить себе эту глупую улыбку и никак не мог в смешном виде передать свой рассказ с иностранцем.

– Вы желали видеть леди Гариссон? – сказал господин с необыкновенной выдержкой, отнюдь не дав понять Варгину, что замечает его неловкость. – Позвольте узнать, с кем имею честь говорить?

Варгин на этот раз попросту, без ломания поднял свою шляпу.

– Я – Варгин, художник, и желаю видеть госпожу леди Гариссон, чтобы передать ей очень важные бумаги.

– В таком случае передайте их мне, – проговорил господин. – Я – управляющий леди и поверенный в ее делах.

Обходительность управляющего успела уже ободрить Варгина и вывести его из смущения.

«Ну, брат, шалишь! – подумал он. – Попасть на эту яхту и ничего не увидеть на ней – нет, не на того попал!» – и он, нахмутив брови и вскинув плечами, деловито и твердо ответил:

– К сожалению, я могу передать бумаги только в собственные руки госпожи леди Гариссон. Впрочем, может быть, теперь еще очень рано и она еще спит, в таком случае я могу приехать позже!

– Нет, – возразил управляющий, – леди имеет привычку, находясь на яхте, вставать в шесть часов, и если вы настаиваете, то я могу доложить ей о вас.

Варгин, обретший уже обычную свою развязность, сказал:

– Пожалуйста!

Управляющий повернулся и, легко скользя по вылощенной, как зеркало, палубе, направился к кордовой части яхты, где виднелась фигурная золоченая дверь в высокое ютовое помещение.

Через несколько мгновений из этой двери, вышел окутанный белой чалмой и белым с красивыми складками плащом высокий, стройный босой индус, поклонился Варгину по-восточному, то есть приложив руку ко лбу, и красивым движением показал на дверь, приглашая его войти.

«Вот оно, самое интересное!» – подумал Варгин и вошел.

На палубе все было превосходно, необычайно чисто и красиво, но все-таки это была обыкновенная палуба богатого и роскошного судна, какие случалось видеть Варгину. Зато помещение, куда он вошел, переступив порог золоченой двери, было так великолепно, что Варгин не только никогда не видал, но и не мог даже вообразить ничего подобного.

Это была не комната, не каюта, даже не помещение, а просто какая-то сказочная греза, где разбегались глаза и стирались очертания пространства, потому что с первого взгляда не было заметно ни стен, ни пола, ни потолка, ни окон. Все это были ковры, драпировки, какие-то причудливые колонки, золотая резьба, бронзовые украшения, хрусталь и самоцветные камни. Свет проникал неизвестно откуда и разливался мягким розовым потоком.

Варгин, как был, так и остановился, разинув рот от удивления.

Первое, что бросилось между прочим ему в глаза, был большой гобелен с вытканной на нем картиной, изображавшей голую Цирцею, обратившую своих поклонников в свиней. Огромная резная курильница дымилась необычайно приятным одуряющим ароматом. Мало-помалу, ослепленный сначала, Варгин стал различать очертание отдельных предметов: диван, покрытый индийской шалью, с вышитыми шелками подушками, венецианское зеркало в хру-

стальной раме, серебряные и золотые кубки, мраморную статую с корзиной на голове, полной благоухающих цветов, обложенный перламутром столик с кальяном, потом еще диван, табуреты, покрытые кружевом, старинные баулы с камнями.

И вдруг среди всей этой роскоши и великолепия раздался гармонический певучий голос, произнесший приветствие на непонятном Варгану языке. Казалось, звуки были еще тем обаятельнее и таинственнее, что он только слышал их, но не понимал их значения.

В рамке бархатной драпировки, которую, раздвинув, приподнял и, почтительно склонясь, держал управляющий, показалась женщина удивительная, прекрасная, величественная. Варгин в первую минуту подумал, что перед ним чудное видение, а не живая, простая смертная. Впрочем, если даже она не была видением, то и не могла быть обыкновенной смертной. Такого стана, такого лица, улыбки и таких глаз у обыкновенных людей не бывает.

– Да что ж это такое, что ж это такое, наконец! – вслух шептал Варгин, глядя, совсем обезумев, на женщину.

Она не была похожа на всех, даже самых красивых женщин, виденных Варгиным когда-либо до сих пор. Большинство пудрило волосы, отступив от старинной моды белых париков, но не расставшись с нею окончательно; у этой волосы были рыжие, ярко огненные и, вместо того чтобы быть поднятыми, ниспадали волнистыми локонами. Черные, прямые, строгие брови и черные же, как вишни, большие глаза не соответствовали цвету волос, но как бы именно вследствие этого еще более поражали и притягивали к себе. Лицо нежно-белое, оттененное румянцем, дышало энергией. Черты его, правильные, определенные, были классически красивы. Одетая она была в платье тоже совсем особого покроя, подходящее больше к одеянию богинь, изображаемых на Олимпе: какая-то легкая пурпуровая материя лежала воздушными, причудливо изломанными складками.

Варгин был не только по своему ремеслу, но и по своей природе истинный художник, способный на быстрое, как вспышка пороха, увлечение. Ему, бывало, случалось любоваться до самозабвения красотой вечерней зари, восходом солнца, синевою дали, он чувствовал прелесть ясного звездного неба и всего прекрасного, что есть в мире, и мог и умел наслаждаться созерцанием этого прекрасного.

Теперь, при виде красавицы леди, он пришел в такой восторг, что, не зная, чем и как выразить его перед нею, опустил вдруг на колени. Ноги сами собой подогнулись у него. Он не соображал уже, что делает. Управляющий что-то говорил ему, и хотя произносил русские слова, – Варгин не понимал их. Он видел только ее, леди, перед собою, и только она занимала его.

– Скажите ей, – заговорил он, – скажите ей, что я – художник и преклоняюсь перед красотой, потому что такой красоты не видел никогда и умилен и восхищен ею... Так и скажите ей.

Ни управляющий, ни сама леди не ожидали такой выходки со стороны Варгана. Она улыбнулась, когда управляющий перевел слова художника, и сказала что-то. Но Варгин не слышал и не видел ничего.

– Скажите ей, – продолжал он словно в исступлении, – что я не видел существа лучше ее, что она... что она лучше всех, кого я видел, и даже в грезах я не видел такой.

Ему хотелось быть в эту минуту необыкновенно красноречивым, и он воображал, что ему удастся это вполне и что говорит он вещи удивительно новые, такие, каких никто еще не говорил.

Он желал дойти до полного пафоса торжественного восторга и совершить что-нибудь из ряда вон выходящее. Ему казалось, что он теперь, по крайней мере, великан, поддерживающий землю, Геркулес, совершающий нечеловеческий подвиг, богатырь, побивающий вражеские полчища, – словом, он чувствовал в себе подъем духа, свойственный, по его мнению, героям, и хотел поступать по-геройски.

Но на деле из этого вышло лишь то, что он постоял на коленях в положении довольно глупом, наговорил окоlesiцы и в конце концов, не совершив ничего выдающегося, исполнил лишь поручение, с которым явился на яхту, то есть отдал документы и план.

Однако, как все это произошло, Варгин последовательно не помнил и глупого своего положения не осознал. Леди, ее яхта, сказочная и невиданная обстановка каюты и даже одетый по последней парижской моде управляющий – все промелькнуло у него, как сон, как видение.

Очнулся он и пришел в себя лишь после того, как спустился уже с трапа яхты в свой ялик и отплыл довольно далеко вверх по Неве.

«Что же это такое было? – спрашивал он себя. – Неужели она – такая же женщина, как и остальные? Какая красота, какая красота!» – мысленно повторял он, закрывал глаза и старался вызвать перед собой образ поразившей его леди.

– Куда везти-то? – спросил лодочник, с усилием тяжело отгибаясь назад и выгребая веслами.

Против течения теперь плыть было гораздо труднее.

– Куда везти? – повторил Варгин, не сразу сообразив, что хотят от него. – Причаливай у Английской набережной! – приказал он, когда до его сознания дошло то, о чем его спрашивали.

От Английской набережной было рукой подать к почтамту, откуда отходили дилижансы, и Варгину пришла в голову та же мысль, что и Киршу: вернуться в придорожный трактир в дилижансе.

Глава IX

Варгин поспел как раз к отходу и нашел тут Кирша, который, давно уже усевшись, спал крепким сном, прислонившись головой в угол.

«А-а, и он здесь!» – подумал Варгин, увидев Кирша, и не утерпел, чтобы не разбудить его.

Ему хотелось поделиться поскорее впечатлениями с приятелем.

Пассажиров было мало; кроме Варгина с Киршем, в дилижансе сидела какая-то старушка, по-видимому, сопровождавшая очень миловидную девуцу. Но они заняли почти все места корзинками и узелками, которые везли с собой.

– Кирш, проснись, голубчик! – убеждал Варгин, тряся приятеля за плечо.

Кирш долго не подавал признаков сознательной жизни, наконец открыл глаза и, сонно взглянув на Варгина, спросил:

– Откуда ты выскочил?

– Откуда? – почти крикнул Варгин, не стесняясь присутствия старушки и девушки. – Я и сам не могу еще разобрать хорошенько, где был: на небе или на земле!

Кирш почавкал губами и поморщился.

– Да ведь ты на яхту ездил, кажется?

– Ну да, на яхту!

– Значит, ни на небе, ни на земле, а на воде был! – серьезно решил Кирш и снова закрыл глаза.

– Да, но что это за яхта! – снова подхватил Варгин. – Чудеса! А сама леди – это такая красавица, что и рассказать нельзя.

Несмотря на последние свои слова, Варгин все-таки хотел сейчас же рассказать Киршу, какая была красавица леди, но тот, равнодушный к восторгу художника, захрапел.

Варгин обиделся и тоже уткнулся в угол.

По счастью, Варгин был слишком взволнован, чтобы заснуть, а не то они проспали бы придорожный трактир, где оставили маркиза де Трамвиля. У этого трактира Варгин остановил дилижанс, разбудил Кирша и вытащил его.

Они нашли Трамвиля в том же положении, в каком оставили его. Сознание к нему не возвращалось, он лежал как пласт, Станислав сидел возле него, честно исполняя свой долг.

Елчанинов еще не возвращался.

– Что же нам делать теперь? – спросил Варгин.

Кирш покосился на больного с очень недовольным, почти сердитым видом.

– Я лягу спать! – сказал он.

Варгин не мог не заметить, что его приятель стал относиться совсем иначе к маркизу после своей поездки.

– Ну, хорошо, – стал рассуждать Варгин, – ты ляжешь спать, а потом что?

– Потом приедет Елчанинов, и ты меня разбудишь.

– Ну да! Но что же нам делать с больным? Не оставлять же нам его тут на произвол судьбы! Надо предпринять что-нибудь. Я считаю, что это наша обязанность, тем более что он иностранец и покидать его в несчастье было бы с нашей стороны, по крайней мере, неблагоприятно.

По правде сказать, благородство, выказываемое Варгиным, главным образом преследовало цель, через заботы о маркизе как-нибудь еще раз увидеть красавицу-леди.

– Ну, там видно будет! – сказал Кирш и пошел к хозяину, чтобы найти у него место, где можно было бы лечь спать.

Варгин остался один со Станиславом и, переполненный еще восторгом, который обуял его на яхте, предался самым сладостным и фантастическим мечтаниям, в которых, разумеется, на первом плане стояла леди.

Станислав тихо сидел у ложа больного, в открытые окна вместе с лучами яркого солнца вливался теплый, пахнувший сеном воздух, живительный и чистый здесь, за городом.

На дороге не было слышно движения: все было тихо кругом, и в этой тишине Варгин, задумавшись, унесся в мыслях далеко и забыл и о Станиславе, и о больном, и о трактире, и о том, что сам сидит тут, облокотясь о стол. Этот стол был белый, выструганный и оскобленный.

Варгин долго глядел на его гладкую поверхность, потом бессознательно вынул карандаш и стал чертить на доске стола женский профиль. Вышло очень похоже на леди Гариссон.

«Неужели уловил? – обрадовался Варгин. – Конечно уловил!.. Кажется, хорошо!» – и он, отодвинувшись, снова на чистом месте сделал контур поразившего его лица.

– Где пан видел его? – послышался в это время голос Станислава.

Варгин вздрогнул и оглянулся. Станислав стоял сзади него и смотрел ему через плечо.

– Кого видел? – удивился Варгин. – Эту женщину?

– Да, ее, которую вы тут так похоже нарисовали, – пояснил Станислав.

В первую минуту Варгану не хотелось говорить с этим человеком о леди, и он решил соврать, что рисунок – его фантазия, но он сообразил, что Станислав мог, находясь в услужении у маркиза, знать что-нибудь о красивой англичанке, и потому спросил в свою очередь:

– А вы ее знаете?

Станислав как-то странно усмехнулся.

– Еще бы! – произнес он, вскинув плечами.

– Вы ее знаете; Знаете? – радостно повторил Варгин.

– Ну да, и давно!

– Вот как!

– Еще бы!

Варгин внимательно посмотрел на Станислава.

С тем делалось что-то странное. Рот у него нервно дернулся, и один глаз замигал, как это бывает у людей, одержимых нервным тиком.

– Что с вами? – невольно вырвалось у Варгина.

– Ничего, только у меня всегда так, когда я вспоминаю о ней. Пан может ведать, что такие воспоминания должны действовать.

– Какие воспоминания?

– Да как же? Ведь это все-таки моя жена!

– Как ваша жена? – воскликнул Варгин и даже привстал со своего места. – Эта... эта... эта женщина – ваша жена?

– Ну да!

«Нет, он с ума сошел или нагло врет! – решил Варгин. – Пьяным напитоком он не мог еще – значит, с ума сошел!»

Станислав опять усмехнулся.

– Пан, я вижу, не верит мне, – произнес он, – а между тем он нарисовал профиль моей жены. Она здесь, в Петербурге? Скажите, будьте ласковы, она здесь теперь? Я должен знать это.

Тон его был очень искренний, но Варгин все-таки не мог поверить ему.

– Она уехала от меня пять лет тому назад, скрылась неизвестно куда, – продолжал Станислав. – С тех пор я ищу ее. Но все было напрасно. Недавно я получил сведение, что найду ее в Петербурге. Я нарочно нанялся к маркизу де Трамвилю в камердинеры, потому что он ехал в Петербург, а у самого меня денег на поездку не было. Вы знакомы с ней?

«Да неужели это правда? Нет, тут что-то не так! – продолжал сомневаться Варгин. – Откуда беглой жене этого поляка стать вдруг английской леди, обладательницей такой яхты? Все это вздор или просто его больная фантазия!»

– Нет, ручаюсь вам, что это не ваша жена, – твердо сказал Варгин. – Вы ошибаетесь...

– О нет, я не ошибаюсь! – возражал поляк.

Но в это время по бревенчатому настилу у трактира простучали колеса кареты, которая подкатила и остановилась. Варгин выглянул в окно.

Карета была огромная, четырехместная, запряженная четырьмя лошадьми цугом, с форейтором. На запятках стояли два гайдука, они соскочили, откинули подножку и растворили дверцу. На дверце красовался огромный княжеский герб.

Из кареты легко и ловко выскочил Елчанинов и подал руку выходящей за ним девушке.

Елчанинов провел ее прямо в верхнюю горницу, где лежал Трамвиль. Девушка казалась очень взволнованной и, когда увидела лежавшего без сознания маркиза, пошатнулась, но совладала с собой и только крепче оперлась на руку ведущего ее Елчанинова.

– Я говорил, что вам лучше не ехать самой! – сказал он.

– Нет, нет! Ничего! – перебила его она и потом, сделав над собой усилие, добавила: – Он жив?

Елчанинов вопросительно взглянул на Варгина.

– Кажется, – ответил тот, тут только вспомнив и застыдясь, что совсем невнимательно исполняет взятую на себя роль сиделки.

– Доктор... где доктор? – спросила девушка.

В это время в комнату входил, приехавший с ней и с Елчаниновым в карете, старик-доктор. Он направился к больному, нагнулся над ним и приложил руку к его груди. Была минута томительной тишины ожидания; все затаили дыхание, притаились и замерли. Доктор покачал головой и произнес:

– Похоже на то, что все кончено!

Девушка дрогнула, доктор кинулся к ней, и по тому, что он оставил маркиза, можно было догадаться, что, действительно, все было кончено.

Но она оказалась не из тех, которые падают в обморок или впадают в истерику, когда, наоборот, от них требуют ясность сознания и бодрость.

– Во всяком случае надо увезти его скорее отсюда! – сказала она. – Скорее сделаем это; помогите мне.

Все немедленно подчинились ее влиянию и, как бы успокоенные ее самообладанием, начали хлопотать, но без суеты и излишней возни.

Все вышло как будто само собой: со стола сняли крышку и сделали из нее в карете койку. Самое трудное было перенести и уложить на эту койку Трамвиля; два гайдука, Елчанинов, Варгин и Станислав подняли его, стараясь сделать это как можно осторожнее.

Доктор ничего не говорил им и не указывал, находя это излишним, что они несли безжизненный труп, с которым уже, с точки зрения доктора, церемониться было нечего. Девушка и доктор сели в карету, Станислав поместился на козлы. Оставшиеся после Трамвиля вещи обещался привезти Елчанинов.

Когда карета уехала и он остался с Варгиным, тот первым делом спросил его:

– Кто это такая?

Елчанинов был очень потрясен всем случившимся, Варгин тоже чувствовал себя не совсем ладно. Елчанинов не ответил ему на вопрос, поставил локти на камин и закрыл лицо руками.

«Однако, какой он впечатлительный!» – подумал Варгин.

– Фу, как глупо! – вдруг произнес Елчанинов, отнимая руки от лица, и, тут только оглядевшись и как бы придя в себя, спросил: – А где же Кирш?

– Он пошел спать, – ответил Варгин, – ведь он всю ночь не спал сегодня.

– Да, он не спал, – вспомнил Елчанинов. – Фу, как глупо! – повторил он и, высунувшись в окно, крикнул: – Хозяин!

Хозяин стоял на крыльце вместе с остальным населением трактира, взволнованным необычайным происшествием и обсуждавшим его, глядя вслед удалявшейся по дороге карете.

– Водки! – приказал Елчанинов и стал ходить по комнате.

Хозяин принес на подносе графин водки, огурцов и хлеба.

Елчанинов налил себе рюмку, выпил ее залпом, потом налил другую, выпил и ее так же и, не закусив, опять заходил из угла в угол.

– Да что глупо-то? – решил наконец вставить свое слово Варгин, тоже отведав водки и откусив кусок огурца.

Елчанинов остановился, скрестил руки и, мотнув головой в сторону, куда уехала карета, спросил:

– Ты ее видел?

Варгин прищурил один глаз.

– Кого? Девицу, с которой ты приехал?

– Да... да...

– Ну, конечно, видел! Я и спрашиваю тебя: кто она?

Елчанинов круто повернулся.

– Не знаю! Ничего не знаю! – вдруг быстро заговорил он. – Ни кто она, ни даже как ее зовут, да и встретиться мне с ней пришлось при таких странных и необычайных обстоятельствах, а между тем вот поди ж ты, я теперь от нее сам не свой; знаю, что это тут вовсе не к месту и обстоятельства совершенно не такие.

– Что ж, ты влюбился?

– Умный ты человек, а говоришь глупости! – серьезно возразил Елчанинов. – Уж сейчас и влюбился! И слово какое пошлое! Ничего тут нет и быть не может, а так только: глупо, вот и все!

– Так как же ты ее нашел?

– Ах, да никак я ее не находил! Очевидно, нас свела сама судьба: мы должны были встретиться, вот и встретились! Ты знаешь: две души должны непременно встретиться.

– Знаю! – махнул рукой Варгин, хрустя огурцом за обеими щеками.

Время, в которое они жили, было сентиментальное, чувствительное: тогда люди, в особенности молодые, как Елчанинов, верили в родство душ, predetermined судьбой встречи, в идеальную, платоническую любовь и в то, что браки совершаются не на земле, а на небесах.

Глава X

– Когда я расстался с вами, – начал рассказывать Елчанинов Варгину, – и пошел в дом князя Верхотурова, то, как известно, мне приходилось отправляться наугад, потому что этот маркиз просил отнести кольцо в дом князя и рассказать там обо всем, что случилось, но, кому надо было передать кольцо и рассказать, этого он не договорил. Ну вот, иду я и рассуждаю: кого же мне спросить у Верхотурова? Сам князь умер, оставил огромное состояние, наследников этому состоянию нет, значит, некому теперь и жить в его доме, кроме холопов. Ну, думаю, хорошо: раз обещал идти – все равно пойду, а там посмотрю, что будет. Дело в том, что, как ты помнишь, маркиз-то очень настаивал, чтобы непременно была исполнена эта его просьба. Вам с Киршем он какие-то документы поручил доставить, а мне приходилось рассказывать о нем и кольцо отнести. Я и смекнул по дороге, что, вероятно, эти документы его дел касались, а кольцо, наверно, к его сердечному влечению отношение имеет; значит, то лицо, к которому я направляюсь посланным, – отнюдь не мужчина, а непременно должна быть женщина. Когда я сообразил это, то пошел увереннее, все-таки уж не совсем наобум. Извозчик мне попался довольно далеко. Сел я на него и поехал, подъезжая к верхотуровскому дому, ничего себе – дом как будто имеет жилой вид: ставни не затворены, цветник расчищен, и дорожка к подъезду укатана, песком посыпана и водой полита, даже бронзовые вензеля на решетке и те вычищены! Извозчика я оставил у ворот, обогнул цветник, и прямо в главный подъезд: «Ну, – думаю, – заперт он, да все равно, попробую, толкнусь!» Только подхожу, ан дверь предо мной как бы сама собой распахивается. «Что за чудеса? – думаю. – Механизм, что ли какой в ней есть?» Только смотрю: это – не механизм, а карлик, маленький-премаленький, вот этакий! – и Елчанинов показал рукою на аршин от пола.

Приятель молча слушал его.

– Карлик этот, – продолжал он, – должно быть, стоял у подъезда, только я его не заметил. «Вот так швейцар!» – думаю. Вошел я, карлик на меня смотрит, а я – на него. Я чувствую, что он совершенно прав, что на меня смотрит, и что мне нужно объяснить ему, зачем я пришел. Делать нечего, я ему назвал себя, но это, разумеется, ему ничего не объяснило. У князя Верхотурова я не бывал, карлика этого я никогда не видел. Он мне поклонился; вижу – карлик обстоятельный, хорошему обращению обучен. Впрочем в княжеском доме иначе и быть не может; тогда я решил как-нибудь высказаться в общих выражениях; авось обстоятельный карлик поймет как-нибудь меня. «Видишь, милый друг, – сказал я ему, – я, собственно, тут не по своему делу, а по просьбе маркиза де Трамвиля». Как только я назвал маркиза, так карлик ослабил, словно чрезвычайно обрадовался, и сейчас говорит мне: «Пожалуйте!» Я ничего не понял и только руками развел; куда мне «жаловать» – не знаю. А карлик опять раскланялся, рукою этак показал – совсем по-придворному, «следуйте, дескать, за мною» – и повел меня вверх по лестнице. Лестница, братец ты мой, мраморная, великолепная, и ковер на ней красный, бархатный.

– Эка, подумаешь, невидаль! – воскликнул Варгин. – Ведь на яхте...

– Да ты не перебивай, а слушай! – остановил его Елчанинов. – Ну так вот, карлик ведет меня, я иду за ним. Прошли мы большой зал, одну гостиную, другую; в третьей карлик попросил меня подождать, а сам юркнул в дверь и исчез. Стал я у окна, смотрю в него в ожидании и испытываю такое ощущение, что как будто кто-то на меня смотрит сзади. Знаешь, бывает это иногда, и непременно тогда оглянешься. Оглянулся и я. В комнате никого не было, но прямо на меня смотрели два черные, как уголь, глаза, и такие острые и пронизательные, что я никогда таких не видал; так и казалось, что живые! Это на противоположной окнам стене портрет висел. Нарисован был мужчина молодой, в петровском парике, лицо изжелта-бледное, глаза так прямо и смотрят. Отошел я к другому окну, глаза опять смотрят, просто хоть вон из ком-

наты уходи! Самому перед собой даже совестно, а за сердце какая-то жуть хватает. Вдруг дверь с шумом растворилась, хлопнула, и в комнату быстрыми шагами почти вбежала девушка.

– Эта самая, что сюда с тобой приезжала?

– Да, да, именно эта! Вбежала она и тревожно спрашивает: «Вы от него? Что с ним? Я всю ночь не спала, он должен был приехать, самое позднее, вчера вечером, он не мог не приехать! Значит, что-нибудь случилось». Я говорю: так и так, действительно случилось, и рассказал, в чем дело. Надо было видеть ее, как она выслушала мой рассказ! Положим, я постарался не сразу говорить все, а постепенно, но, надо отдать ей справедливость, владела она собой так, что любому мужчине впору: ни «охов», ни «ахов», схватилась за колокольчик, позвонила. Вбежала горничная. Я говорю: «Принесите барышне стакан воды», – а она говорит: «Не надо воды! Скажи, чтобы сейчас же большую карету закладывали и как можно скорей подавали, а Максиму Ионычу – чтобы бежал сейчас к доктору и привел его сюда!». Распорядилась она всем этим спокойным, ясным голосом и затем опять ко мне, стала расспрашивать о подробностях, как все это было, и главное – жив ли еще «он»; она ни разу не сказала ни маркиз, ни Трамвиль, ни имени не называла, а говорила все время «он».

– Почему это так? – спросил Варгин.

– А Бог ее знает! Да, так вот что было дальше, – продолжал рассказывать Елчанинов, – видимо, в верхотуровском доме прислуга была дрессирована мастерски, потому что карету заложили словно на пожар, так быстро, что я и оглянуться не успел; явился откуда-то и доктор, сейчас же. Все сделалось, как по шучьему велению. Мы сели втроем в карету и поехали, лошади понесли что есть духу, вскачь. Девушка всю дорогу молчала, ни слова не проронила, сжала губы, и ни слова! Доктор тоже молчал; откуда его достали и каким образом подняли такую рань – я не знаю; я тоже молчал; заговаривать первому считал для себя неприличным. Так и приехали сюда, а остальное ты уже знаешь.

– Так ты не спросил у нее, кто она такая? – сказал Варгин, когда Елчанинов кончил свой рассказ.

– Да когда же было спрашивать, сам посуди! – подхватил Елчанинов. – А кроме того, я это считал неучтивым! Что же, допрос ей чинить надо было? Раз она не нашла нужным назвать себя, я не смел спрашивать ее, да к тому же все это должно выясниться сегодня же; я обещал привезти вещи маркиза и привезу их, осведомлюсь о его здоровье и увижусь с нею!

– Куда же ты повезешь эти вещи?

– В дом к князю Верхотурову.

– Ты думаешь, она отвезла маркиза к себе в дом?

– А куда же ей везти его?

– Мертвого-то?

Елчанинов поморщился.

– Бог знает; во всяком случае я повезу вещи в дом к Верхотурову; надо собрать их.

– Да, но погоди! – сказал Варгин. – Надо узнать еще не только, можно ли будет вещи везти, но будет ли на чем нам самим отсюда уехать.

– А ты-то как же добрался сюда? – спросил Елчанинов.

– Я? В дилижансе.

– А Кирш?

– Тоже!

– Дело скверное! Но, наверно, у хозяина найдется подвода для вещей.

Был снова призван хозяин, однако он принес вести самые неутешительные. Карета маркиза была изломана так, что починить ее своими средствами не было никакой возможности; увязанные на ней сундуки и важи были так тяжелы, что под них требовалась большая телега, которой у хозяина не было, а была у него маленькая таратайка, которую он только что отдал внаймы в город.

– Кому же ты отдал? – удивился Варгин, знавший, что, кроме них, никого с утра в трактире не было.

– Да вот одному из ваших же, – ответил хозяин, – тому, который с вами приехал.

– Киршу?! – в один голос воскликнули Варгин и Елчанинов.

– Уж не знаю, как их величают, может и так, только они выпались, встали, сторговали у меня таратайку в город и уехали!

– Как «уехали»?

– Да-с! Сели в таратайку и уехали!

– И нам ничего не велел сказать?

– Ничего!

Варгин выпятил губы и протяжно свистнул.

– Елчанинов, у тебя деньги есть? – спросил он.

– Кажется, еще осталось немного.

– Насчет денег не извольте беспокоиться, – заметил трактирщик, – господин, который уехал, за все заплатил!

– Ну, хоть это хорошо! – сказал Варгин.

– А все-таки он свинья! – решил Елчанинов. – Что же мне теперь без него делать?

Варгин пожал плечами.

– Да то же, братец, что и при нем! Ведь он же не подвода, которая тебе нужна, и на нем ты маркизовых вещей все равно не сvez бы! Поэтому его отсутствие ничуть не усугубляет твоего положения, а раз у тебя есть деньги, так мы подождем обратного дилижанса, сядем в него и доедем до города.

– Да пойми ты, – рассердился Елчанинов, – что ведь мне главное – вещи!

– И вовсе не вещи тебе главное! – остановил его Варгин. – Ведь тебе что нужно? С этими вещами попасть в дом к Верхотурову? Ну, так ты можешь сделать это сегодня и без них. Сегодня ты пойдешь и скажешь, что, мол-де, не имея подводы, не мог привезти вещи, а затем завтра приедешь сюда с подводой, возьмешь вещи, и у тебя будет прекрасный предлог и завтра побывать в доме князя. Понял?

Рассудительность Варгина, казалось, очень понравилась Елчанинову и вполне убедила его.

– Знаешь что? – вдруг произнес он, сразу как будто повеселев. – Я есть хочу.

– Ну что же, давай заказывать!

– Ты чем нас накормить можешь? – обратился Елчанинов к хозяину.

– Всем, чем угодно-с, – усмехнулся тот.

И его слова оказались не пустым хвастовством, а действительно, у него был такой запас разной провизии, что мог удовлетворить самый изысканный вкус: нашлись ветчина, превосходная пулярка, заграничные сыры, сиг копченый, соленые лимоны, турецкий щербет, персики и настоящий английский эль, стоивший тогда по утвержденной правительством таксе сорок копеек бутылка. Словом, обед вышел такой, какого никак нельзя было ожидать найти здесь, и, принявшись за него, Варгин невольно удивился, откуда и для кого здешний хозяин держит такую роскошь.

– Ну, как для кого? Для гостей! – авторитетно заявил Елчанинов.

– Да какие же тут могут быть гости? – стал рассуждать Варгин, словно взявший на сегодняшний день патент на неопровержимую логику. – Подумай: какие гости тут могут быть? Проезжие под самым городом не станут останавливаться, а если бы ездили сюда из Петербурга, так, во-первых, это было бы известно, да и по внешнему виду трактир был бы совсем другой, а то он на вид такой, как строят для простолюды, а еда в нем барская! Согласись, что странный трактир!

И Елчанинов должен был согласиться, что трактир был, в самом деле, несколько странный.

Глава XI

Проезжавший мимо трактира дилижанс был задержан нарочно поставленным для этого человеком от хозяина, и вместе с Варгиным и Елчаниновым сели еще двое пассажиров, неизвестно откуда взявшихся. По платью они казались разночинцами, но руки у них были не мозолистые, не рабочие.

Это обстоятельство еще более усилило сомнение Варгана относительно трактира. Откуда могли взяться эти пассажиры, появившиеся вдруг, как бы из-под земли, как раз к приходу дилижанса?

– Нет, положительно, это – какой-то загадочный трактир! – сказал Варгин Елчанинову, когда они тронулись и поехали. – И заметь, что вчера на ужин дали обыкновенную еду, а сегодня вдруг явились деликатесы!

При этих словах Варгина таинственные пассажиры как-то странно перемигнулись между собой.

Приехав в Петербург, Елчанинов прямо направился в дом князя Верхотурова.

Варгин сказал, что пойдет к Киршу, хотя и предчувствовал, что это будет напрасно, потому что внезапный отъезд Кирша, вероятно, объяснялся не чем иным, как тем, что его снова обуяла, по обыкновению, охота к чтению, и он бросил все, засел за свои книги, и увидеть его нет возможности.

Варгину же нужно было увидеть Кирша для того, чтобы расспросить его, как он был во дворце, и самому рассказать о своей поездке на яхту и о том, что среди документов, которые он вез, был подробный план строящегося Михайловского замка.

Этот план беспокоил Варгина. Без него все было бы хорошо, но о плане, как Варгин чувствовал, нужно посоветоваться с умным человеком, а Кирша он считал умным.

Елчанинов, подъехав к верхотуровскому дому, прошел по знакомой уже дороге через цветник к большому подъезду, и на этот раз его встретил здесь не маленький карлик, а огромный, толстый, важный швейцар в густо обшитой гербовыми галунами ливрее.

– Барышню можно видеть? – спросил Елчанинов, уверенный почему-то, что его сейчас же, как и нынче утром, проведут куда следует.

– Какую барышню? – строго спросил швейцар, кланяясь, однако, вежливо и почтительно.

– Как какую барышню? – удивился Елчанинов. – Да вот у которой я был тут сегодня утром.

– Не могу знать! – пожал плечами швейцар.

– Как не можешь знать? Ну, госпожа, которая живет в этом доме.

– В этом доме, – ответил швейцар, – был один господин – князь Верхотуров, ныне представившийся и уже погребенный!

– Как же так? Я видел ее сегодня утром и вместе с нею отсюда уехал в карете!

Швейцар степенно и с достоинством улыбнулся.

– Да вы извольте сказать, кого вам нужно и какую барышню вы ищете, а так я не могу знать.

– В том и дело, что я имени ее не знаю!

– Так что же прикажете мне сделать, если сами не изволите знать, кому доложить о вас? «Или он очень глуп, – подумал Елчанинов, – или очень хитер».

Во всяком случае, он решил не сдаваться так легко и победить глупость или скрытность швейцара.

– Мне нужно видеть маркиза де Трамвиля! – решительно заявил он, меняя позицию и думая этим путем добиться своего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.